

Райнгольд Шульц

Режим тишины

Gissen 2012

Райнгольд Шульц
Режим тишины

Армейские новеллы

В книге использованы фотографии и рисунки из интернета.

© Alle Rechte vorbehalten.

© Все права защищены. Публичное использование, воспроизведение через СМИ, перевод, использование в электронном виде, а также полная и частичная перепечатка или копирование – только с письменного разрешения автора.

Армейской дружбе посвящается

ПРИЗЫВНИКИ

*Не можешь, – научим.
Не хочешь – заставим!*

Прошлое – это родина души! Часто вспоминаю детство. На уборку урожая к нам приехали демобилизованные матросы и солдаты. Я тогда был первоклассником, смотрел на них снизу вверх, они казались здоровенными дядьками. Мужественными, сильными, красивыми. Мы, пацаны, бегали за ними по пятам, выпрашивая звёздочку, значок, бескозырку или пилотку. Мы завидовали им и мечтали быть такими же. Сейчас, когда я смотрю на современных солдатиков, мне кажется: Боже мой, какие это дети! Разве они что-то смогут сделать против матёрых мужиков? Мы – другое дело! Мы были патриотами и романтиками. Мы хотели служить в армии, хотели отдать долг Родине, хотя взаймы, вроде, ничего не брали. Но, как в песне поётся: «Перед Родиной вечно в долгу!».

Меня призвали в армию осенью, в ноябре. Рано утром, в восемь часов, всех призывников построили, сделали переключку, отобрали паспорта, выдали по военному билету, заставили выучить наизусть его номер, посадили в автобусы и повезли на сборный пункт в Княжпогост.

В армию я идти хотел, но уйти намеревался тайно, чтобы даже мать не знала. Не желал её слёз и расходов на проводы. Жалел её и деньги которые она так тяжело зарабатывала. Поэтому никому не показывал повестку, но всё равно всё выплыло наружу.

На проводах я не пил ни капли спиртного, вообще не пил. Даже родня хором за столом не смогла переубедить и обижалась.

В Княж-погосте – знаменитый перевалочный пункт призывников и... заключённых – высокий забор с колючей проволокой, часовые... Огромные ворота закрылись за нами на три года. В больших грязных комнатах – деревянные двухъярусные замасленные нары без ничего. Голые доски. Всё исписано ножами. Тысячи людей кантовались

здесь. Мы заняли места компаниями. Пришёл начальник, сказал, что всем надо постричься налысо, но в парикмахерскую, где это удовольствие стоит 15 копеек, идти нельзя. Парикмахер будет стричь здесь – приготовьте по рублю. Он стриг нас быстро: лежали мы на нарах головой к проходу, в руке держали рубль. Парикмахер, седой еврей, был добр и ласков. Ногой он подвигал старый таз, куда падали наши кудри, деньги исчезали в оттопыренных карманах. Через час мы не узнавали друг друга. Все были, как колобки.

После этого – строим в баню. Тазов не хватало, набаловавшись и облившись водой, куряки стали собираться на улице. Когда остальные подтянулись, нас вернули на нары. Питаться пришлось из своих домашних запасов.

Утром приехали «покупатели». Всех построили во дворе. Офицеры стояли в красивой военной форме. Были и морские, но я любил авиацию и не сводил глаз с голубых погон. Каждый из них имел список, и они выкрикивали фамилии. Названный становился за его спиной.

Меня и всю нашу компанию забрал к себе летчик. Новобранцев, теперь уже рассортированных по родам войск, развели в разные стороны, а потом – на вокзал, посадили в вагоны и повезли. Куда – военная тайна.

Начался бардак, появились первые пьяные новобранцы, офицеры тоже были навеселе – все делилось поровну из котомок призывников.

Наконец, ночью приехали в Ленинград. Нас высадили и, несмотря на слякотную погоду, держали в строю, чтоб не разбежались. Под утро подали другой состав, снова погрузили. Тайна сохранялась до самого Новгорода, но тут вдруг раскрылась: везут в деревню Новоселицы – в ШМАС, школу младших авиаспециалистов. В 76-й отдельный учебный полк радиосвязи Военно-воздушных сил, 72-й отдельной воздушной гвардейской армии, штаб которой находился на Дворцовой площади в Ленинграде, напротив Зимнего дворца.

Всех завели в огромный спортивный зал, построили в один ряд, содержимое рюкзаков и карманов велели разложить перед собой на полу, как на базаре. Явились сержанты и старослужащие. Тёплое бельё, ножи, интересные вещишки забрали себе – «Не положено!».

Возмутившийся получал наряд вне очереди и шёл мыть туалет. Остатки скарба теоретически можно было бы отправить домой, но как это сделать, никто не знал. Да и одежда у большинства – старьё, чтобы выбрасывать было не жалко. Но были и богатые.

Затем, наконец, солдатская столовая: дали овсяную кашу – шпаклёвку. До чего же вкусной она показалось после недельной сухомятки! В столовой стояла мёртвая тишина, только ложки стучали об алюминиевые миски. После обеда ещё одна баня. Все сразу не поместились и ждали на улице. Перед построением на снегу развели огромный костёр. Ребята затеяли возню, боролись, рвали одежду друг на друге без жалости: рукава, воротники, карманы – всё, что можно было оторвать. Ну, прямо бандиты, шпана.

Наконец, вышла первая партия новоиспечённых солдат. Никого не узнать: погоны без знаков отличия, форма и «причёски» – одинаковые. Старую гражданскую одежду кидали в костёр вместе со своим прошлым.

В армии всё по трафарету. Подъём в 6 утра, отбой в 22.30, и весь день волчком. Нас учили всему. Раздеваться и засыпать за минуту. Одеваться за 45 секунд, пока горит спичка. Потом зарядка. Спортивная форма – трусы, сапоги. Три круга вокруг стадиона – это полтора километра плюс физические упражнения. По воскресеньям выбивали на заборе собственный матрас солдатским ремнём. Били его, как последнего гада. Тумбочки, табуретки, кровати в казарме выравнивали по ниточке, на заправленных одеялах наводили острые кантики. По ночам с Маруськой натирали в казарме полы мастикой. Маруська – это швабра. На всё, что нравилось и не нравилось, отвечали «есть!». Ходили строевым шагом и козыряли всем встречным-поперечным. Политическая и строевая подготовка была каждый день. Изучали радиодело и оружие массового поражения. На стрельбище палили из автоматов: у всех был свой «Калашников», его номер зазубривали наизусть. С утра до вечера, до тошноты, стучали азбуку Морзе – приём и передача. Четверг был назначен «химднём», значит, весь день находились в противогазах. В любое время суток – учебная тревога. И тогда – в поле, в глубокий снег. А там команда: «Противник слева, ложись!». В грязь или лужу падали, как подкошенные. Побрезгуешь

– загоняют ночью с Маруськой в коридор до блеска натирать полы. Местные женщины утирали слёзы и кричали нашим старшим: «Что вы издеваетесь над ними!» А мы – грязные, потные и красные, тяжело дыша, носились между двумя командирами до изнеможения.

В столовой, не наевшись, заскакивали в хлеборезку выпросить пару кусков хлеба и, сунув их за пазуху, бежали строиться. И тогда старшина звучным голосом подавал команду:

– Расстегнуть ремни...

Хлеб падал из-под гимнастерки на снег.

– Заправиться. Ровняйся! Смирно! С песней, шагом марш!

И строй в 200 человек двигался, наступая на хлеб сотнями сапог. В порошок стирали, затаптывали, а съесть не давали. В столовой счастливчику в день рождения вместо овсяной каши за отдельный праздничный стол подавали жареную картошку, и все ему завидовали. Самым большим лакомством была сгущёнка. В банке пробивали две дырочки и в один прием высасывали содержимое. Ещё у каждого в кармане прятался кусочек сахара, конфеты были нам не по карману.

Здесь мы не видели ни одной юбки, одни погоны. Если и приезжали к кому-то родные, – мать, сестра, невеста, – а мы шли по улице навстречу строем, сразу следовала команда:

– Строй, смирно! Равнение направо! Парадным шагом марш!

Мы, прижимая руки по швам, вытягивая носки сапог, чеканя шаг, горлая песню, поворачивали головы в противоположную от гостей сторону и проходили мимо, как на параде, так ничего и не увидев.

Но каждый мечтал о ней. О верной и нежной подруге. Своей суженой и завидовали тем у кого она уже есть. И летали в воздухе любовные стихи, о той которая ждёт. И я написал, как смог, в свою тетрадку песенник, не зная тогда, что это белые стихи (Верлибры) или нерифмованные стихи о ней.

Ты помнишь лето прошлого года?

Ночные прогулки, смех и звон гитары.

Его не вернёшь, оно пролетело,

Совсем незаметно, как утренний сон.

Но вот наступило другое лето.
Полное сомнений и тревог.
Будто стоишь на краешке бездны.
А вокруг... никаких дорог.

Нет, неправда. Дороги повсюду.
Надо выбрать только одну.
Что бы трудности сметая,
Догонять свою мечту.

На улице, как звездочки.
Как белый пух летят снежинки.
Спешат куда то люди,
Гася в глазах лукавые искринки.

И только лишь одна девчонка,
С нежными глазами.
Идёт и не спешит.
Своими занята делами.

Чему то улыбаясь нежно,
Ловя руками снег.
Тихонько что то говорит,
Лишь для него, а не ля всех:

«Вот видишь, милый мой солдат,
Кругом снежинкам люди рады,
Лишь только я одна не вижу им отрады.
Мне совсем не холодно одной.
Но грустно от того, что нету рядом друга.
И кажется мне, что не снежинки падают,
А воеет злая вьюга».

Но любовь, как звезда, что горит высоко.
Как луна освещает мне путь.

И ты верь, что такие девчонки, как эта.
Как бы трудно им не было.

Ждут!

«КРЕПЧЕ ВОЛЯ, БЛИЖЕ ПОБЕДА!»

– в то время был такой девиз.
Когда было очень трудно, я писал такое:

*Ты ведь мужчина. Так будь же им до конца.
Не разводи сырость, а то ты похож на мальчика.
Слёзы – участь слабых. Сильные смотрят в глаза.
Не загрязняй совесть и воздух. Будь молодцом как всегда.*

Только когда у тебя беда или горе, только тогда ты начинаешь необыкновенно ясно понимать и мыслить.

В то время, в учебке, если зайдешь после отбоя в туалет, всегда можно было слышать, как горько плачут в кабинках молодые солдаты, впервые оторванные от дома, матерей, невест, друзей, родных, родины. Как трудно дается самостоятельность, под командой чужого дядьки.

Солдата можно уважать, только за то, что он отдал армии свои лучшие годы. Солдат ждёт дембеля как мать ребёнка. Мы писали домой письма в стихах.

Привет с Новгородского края!
Где берёзы и сосны растут.
Где за 40 секунд одевают.
И в столовую строем ведут.

Что касается службы военной,
я не буду так много писать,

Потому, что тебе дорогая,
Всё равно ничего не понять.

Ты идешь на работу спокойно.
Я в то время на плаце стою.
Ты гуляешь по улице вольно,
в этот час я шагаю в строю.

Ты сидишь, мои письма читаешь,
я сижу и уставы учу.
Ты весь вечер у дома гуляешь,
я с друзьями в наряды иду.

Ночью ты отдыхаешь в постели,
я дневальным по роте стою.
Над своей ты причёской колдуешь,
без волос я пока что хожу.

Как служить буду дальше, не знаю.
Я тебе всё потом расскажу.
Новый год ты встречаешь с бокалом,
но а я в строевой всё хожу.

За столом ты вино разливаешь.
Я в то время всех вас берегу,
и когда нам начальство на память
перед строем объявит наряд.

Эх, судьба я тебя проклиная,
такой жизни теперь я не рад.
Если ты же судьбой не довольна,
о своей вообще я молчу.

Ты постель заправляешь спокойно,
я как пуля с кровати лечу.

Тебя вежливо будит будильник.
Мне дневальный «подъём» проорёт.

А когда ты работаешь вилкой.
Я сильней подпоясал живот.
Ты кюветы обходишь и лужи,
никогда не увязнешь в снегу.

Я же утром в одной гимнастёрке,
как шальной на зарядку бегу.
Ты идёшь с своей милой причёской
и заметна среди добрых людей.

А у нас тут стандарт на причёску
от затылка до самых ушей.
Говоришь ты с начальством сидя.
Я же смиренно стою перед ним.

От него ты уходишь спокойно.
Но а я ухожу строевым.
Ты мелодию под нос мурлычишь,
я бегу утомительный кросс.

Волос длинный ты свой поправляешь.
Я везде прохожу без волос.
А когда молодые ребята,
вечерами целуют девчат.

Я стою на посту и мечтаю.
Прижимая к груди автомат.

Всё. Кончаю писать. До свиданья.
И надеюсь, меня ты поймёшь.
Улыбнёшься красивой улыбкой.

Вспоминая тихонько вздохнёшь.

Наша воинская часть стояла среди болот на реке Мста. Казарма построена ещё при Екатерине второй: трёхэтажное здание в форме буквы «Е», толщина стен – три метра. Раньше в подвалах размещались конюшни императорских гусар, сейчас – умывальники и склады.

Во время Великой Отечественной здесь располагался армейский госпиталь. На братском кладбище, где покоятся две с половиной тысячи советских воинов, высятся мемориал.

Самое почётное поощрение по службе – это встать на пост номер один – охранять знамя полка, а как наказание – ночной наряд вне очереди на кухню. Огромная столовая кормила тысячи человек каждый день. Нас загоняли в погреб. Через окно по жёлобу высыпали целый самосвал картошки, которая к завтраку должна быть почищена. Мы рассаживались вокруг картофельной горы. Часто, чтобы не уснуть, на вершину сажали гармониста, и он играл всю ночь. Мы пели песни, а когда музыкант засыпал, в него летели, как снежки, чищенные и нечищенные клубни. Он просыпался и играл ещё громче. К рассвету картошка была готова, и мы шли спать, когда другие только встали.

КОМАРЫ

Утром, после подъёма, в казарме дышать затхлым испарением портянок было просто нельзя – в одной комнате спала рота, 180 человек. В полку было 12 рот. Но и открывать окна было опасно: летом в помещение набивалась туча комаров. Они зудели, пили солдатскую кровь и не давали уснуть. Напившись, пузатые насекомые, как двухмоторные бомбардировщики, надрывно гудели и тяжело несли свой кровавый груз в сторону окон, на которые дневальные каждое утро натягивали новое белое полотно из марли, а старые, чёрные от нависших на них с обеих сторон мучителей наших, бросали в специально разведённый костер. И трещали в нём комары, и пахло в воздухе горелым мясом и нашей кровью.

КБО

(Комбинат бытовых услуг)

На разводе майор Мельников записывал личные данные, происхождение, благонадежность, положение родителей. Спросил меня, где работает мать? Я ответил: «В КБО». Майор вытянулся и отдал мне честь. Пошел к следующему, потом вернулся и спросил, что это КБО? Я сказал. Он улыбнулся и ушел. Всю жизнь, прожив за забором военного городка, он не ориентировался в гражданской жизни, не знал ее. Принял КБО за созвучное КГБ, сразу показал свою преданность режиму.

ПРИСЯГА

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Вооружённых сил, принимаю присягу и торжественно клянусь...»

В торжественной обстановке воинская часть выстроилась на широком плацу. С оружием. У знамени. С оркестром. Каждый курсант, держа автомат в положении «на грудь», читал вслух текст Присяги. После клятвы каждый собственноручно расписывался в специальном формуляре и вновь занимал своё место. После оркестр исполнил Государственный гимн, и часть прошла перед трибуной торжественным маршем.

И покатили напряжённые будни. Как исключение вспоминается единственный день демократии – день выборов. Тогда в казарме не объявили подъём. Все валялись в кроватях до самого завтрака. В столовую топали без строя, толпой, но за ворота не выпускали. Было смешно и необычно. Не армия, а цыганский табор. Потом каждый сам по себе шёл в клуб, а там концерт художественной самодеятельности местного медучилища. В заключение – кино. После выборов и кино праздник кончился. Назад маршировали с песней, чеканя шаг. Кстати, песенник солдатский у меня до сих пор живой.

Мы знали тогда много песен, любили стихи и писали сами, для

души и на заказ. Письма нам приходили по-разному: кому по два в день, кому – раз в месяц и ещё реже. Постоянно писали только мамы. Они знали о нас всё, а мы секретничали. Мы писали, что одеваемся тепло, кормимся хорошо, много занимаемся спортом. В берёзовом лесу бегаем на лыжах с полной боевой выкладкой. А сами в мороз носились по части в одних гимнастёрках без шапок: форсили. Однажды пожилой подполковник пожурил:

– Наденьте шинели, здоровье не купишь, им можно только расплачиваться. Оно вам отомстит за невнимание. Я тоже молодой был – всё нипочём.

В гражданскую войну, когда штурмовали Крым, мы обеспечивали связь. В заливе телеграфных столбов не было и нам приказали телефонный провод держать на весу. Всего одну ночь простояли – кто по грудь, кто по пояс в воде, – а всю жизнь теперь суставы крутит, покоя нет, сна – тем более. Лучше оденьтесь потеплее, жар костей не ломит...

На всю жизнь его слова запомнились. Фронтовики – они совсем другие, они опытные и мудрые. Война и мир живут рядышком, их граница – время. Тогда, в нашей молодости, беспокойно было в мире, шла холодная война. Китайцам стало вдруг тесно на Востоке, в армии было тревожно. Мы спали в казармах, обняв, как невест, свои автоматы, прямо в гимнастёрках и галифе. Разрешали снять только ремень и сапоги. Китайские события – остров Даманский – был на слуху у всей страны. Родина в опасности! Мы были готовы на случай тревоги.

Но новая команда не давала опомниться и гнала нас на плац, навстречу зарождающемуся дню – на митинг. Потом в радиоклассе командир раздал всем чистые тетрадные листочки:

– Все пишут заявления на имя командира полка: «Я, такой-то, прошу отправить меня добровольцем на фронт, на остров Даманский, чтобы с оружием в руках защищать своё Социалистическое Отечество».

Мы притихли, задумались: вроде охота отвагу показать и честь большая – постоять за Родину. А вдруг убьют? Я ж ещё не целовался ни разу.

– Не бойтесь, – сказал командир. – Если надо, вас пошлют и не спросят. Просто стоит наверху показать наш боевой дух.

...С этим духом и раскидало нас, курсантов, по действующим боевым частям и дальним точкам СССР. Там всё было настоящее. Мы привезли знания о новейшей технике, о которой было известно ограниченному числу людей. Технический прогресс рвался вперёд, технари еле поспевали за ним. На военных аэродромах висели памятки: «Болтун – находка для шпиона!», «Механик, помни: если самолёт не сядет – сядешь ты!».

Как мы жили – государственная тайна. Армия – школа жизни. Что в армии, что в зоне – главное терпение. Время было тревожное, но интересное. В армии проводились реформы. Появилась новая униформа, отвечающая ведению современного боя. Гимнастёрка в радиоактивной пыли себя изжила. В новой парадной форме были брюки клёш, рубаха с галстуком и пиджак, шинель и фуражкамичманка. Более образованные призывники быстрее осваивали военную технику, и срок службы правительство решило сократить. На земле – с трёх до двух, на море – с пяти до трёх лет.

Часто в казарме мы слушали концерты для военнослужащих по радио. Нам нравилась такая популярная песня:

*«Были мы вчера сугубо штатские,
Провожали девушек домой.
А сегодня с песнями солдатскими
Мимо них идём по мостовой.
Время незаметно пролетит – года три...»*

Если пели «года два» – все радовались: новости, значит, правдивы. Но иногда радио пело по старинке: «года три...». И тогда в репродуктор, как в мишень, летели десятки кирзовых сапог. Подбитая тарелка срывалась с гвоздя, обрывала шнур и замолкала. Старшина, обнаружив сломанное радио, удивлялся – что случилось?

– А что оно про три года поёт, – огрызались старики.

В субботу, перед увольнением, старослужащие надевали новенькую форму молодых солдат. Отпускники не ужинали, особенно не

ели селёдку, отдавали соседям по столу: мало ли, на танцах пахнуть будешь, а вдруг поцелуют... Молодёжь вслух считала сколько котелков каши и сколько метров селёдки осталось съесть «деду» до приказа. Дедовщина – хроническая болезнь армии. Кроме званий были должности по сроку службы. Первые полгода солдат назывался – «молодой» или «салага», вторые – «сынок», потом – «помазок» и, наконец, «дед», а уж после приказа – «дембель». Оставшийся на сверхсрочную назывался «сундук» «Сундуки» шутили: чтобы избавиться от дедовщины, надо увеличить срок службы в два раза, тогда всех дедов забудут прадеды. Или ввести наставничество: каждый дед в ответе за молодого. В его обязанность входит научить и защитить! Дружбу надо узаконить. Песню Высоцкого о дружбе тогда знали все.

«Нам бы мудрости набраться, научиться бы терпеть, нам бы вольюшки дожидаться, и домой бы улететь», – мечтали мы. Все считали дни до демобилизации: и старослужащие, и только что призванные новички.

Сколько самострелов было! Не все могли выдержать. Старики выделяли всякие штучки с молодыми. Прапорщики и сверхсрочники вечно ссорились и подгаживали друг другу. В то время у меня появилась скромная мечта: на гражданке стать лесничим. Жить со своим семейством где-нибудь на далёкой заимке, наслаждаться природой, не видеть людей и их козни.

Но у жизни свои планы. Мы старались не уронить честь, не замарать совесть и честно служили.

И вот она закончилась, служба; наступил долгожданный дембель. Домой! Упакован чемодан, выглажена форма, начищены сапоги. На выходе из казармы ребята постелили чистое полотенце. Командир, не забудь вытереть ноги – традиция! Я наступил на полотенце, вытер ноги и оставил все трудности позади. Налетела толпа ребят, обнимались, целовались – понимали: никогда больше не увидимся. Тяжело и радостно на душе. Домой! Уже тогда в мозгу вспыхнула идея написать книгу о жизни. Но я ещё стеснялся быть откровенным – вдруг засмеют.

А дома счастливая мама при гостях просила меня спеть полубившуюся ей модную песню, но с другими, своими словами. И я

спел:

*Топ. Топ. Посмотри на строй:
Кто стоит разутый, кто босой,
У кого портянок нет совсем,
Кухня улыбается нам всем.*

*Топ. Топ. Очень не легки
До отбоя наши сапоги.
Старшина кричит: «Скорее в строй!»
А солдату хочется домой.*

*Топ. Топ. С плаца мы идём,
Еле-еле ноги волокём.
«Выше ногу!» – нам кричит комбат.
А солдату хочется назад.*

*Топ. Топ. Скоро подрастёшь.
И ко мне ты в армию придёшь.
И тогда узнаешь ты, малыш,
Какова на вкус солдата жизнь.*

Ещё я с удовольствием пел маме нашу строевую песню с её любимым названием **«Таня»**:

*Мне казалось любовь не достанет.
в танке сердце моё за бронёй
Но однажды мне встретилась «Таня»
Обменялась улыбкой со мной.*

*В небе вспыхнули, звёздочки, свечи
Мне Танюша махнула рукой
А когда уходила в тот вечер
Словно солнце зашло за рекой.*

Расстоянье теперь не преграда
Только б издали крикнула мне
Мне для скорости крыльев не надо
Увольнительной хватит вполне.

Вот как в жизни солдатской бывает.
Не боюсь я лихого огня.
Но броня от любви не спасает.
От любви не спасает броня. *(2 раза)*

Ах, какие замечательные песни были в наше время шестидесятников. Песни помогают быть здоровым, приравнивается к плаванию как спорт, развивают глубинное дыхание и хорошее настроение. Песни и танцы необходимы человеку как воздух, без них он зачахнет. Вообще моя Армия, хоть и было очень трудно – это самые насыщенные годы моей жизни.

А затем та же родня, что меня провожала, просила припомнить что-нибудь особенно интересное из моей военной службы. Я и вспомнил...

УТКИ

В каждой газетной «утке» есть доля шутки.

«Скорая помощь» выскочила из-за поворота и врезалась в стаю уток, которые, переваливаясь, переходили дорогу. Пройдя тормозной путь, машина встала, как вкопанная. Испуганный водитель выскочил из кабины, согнал птиц с дороги и подошёл к бабульке – свидетельнице происшествия, сидевшей на лавочке у своей калитки. Вежливо извинившись, водитель написал свой номер телефона на бумажке и попросил старушку сообщить его хозяину стаи для возмещения причинённого ущерба.

– Всё равно платить придётся, не пропадать же добру! – с такими словами шофер забросил погибших четырёх уток в машину и укатил восвояси. Бабушка добросовестно выполнила просьбу, рассказав о

случившемся всем односельчанам. Утром на «скорую» позвонило всё село. У каждого пропали утки. По скромным подсчётам администрации «скорой» уток погибло намного больше, чем имелось в округе домашних и перелётных птиц, людей, баранов и крупного рогатого скота вместе взятых.

Водитель, ошарашенный такой новостью, вспомнил свою армейскую утку, когда всех подняли по тревоге на боевое учение. Замаскировав зеленью военный автомобиль повышенной проходимости и развернув радиостанцию в секретном квадрате, солдаты вторые сутки оставались без пропитания, хлеб не в счёт. Армия заботилась только об офицерах. Никто не знал, где они находятся, а голод – не тётка, пирожка не подсунет.

Любое дело можно сделать тремя способами: правильно, неправильно и так, как это делается в армии. На добычу пропитания послали молдаванина Сашу Цуркану из села Селебрейшен. У него руки были шустрее, чем мозги. Сашка сразу вспомнил, как он в селе высыпал на помойку жмых от бражки. Утки наелись, куры наклевались, даже петух опьянел и вырубился во дворе. Хозяйка, тоже снимавшая с бражки пробу, вышла во двор, обнаружила массовый падеж и решила хоть что-то спасти. Ощипала пьяных кур, а тушки выбросила за сарай. На другое утро голые куры бегали за голым петухом и клевали его в красное место. Полный деревенский стриптиз на свежем воздухе.

У ближайшего под высоткой села молдаванин отогнал от стаи крупного гусака, накрыл его своей шинелью, вытащил из-под неё длинную шею и стал закручивать по часовой стрелке. Через несколько оборотов, пустив слезу, гусь лапчатый закрыл глаза. Саша отпустил его и надел шинель. Шея гуся стала быстро раскручиваться как резинка. Гусь открыл глаза, загоготал и, хлопая крыльями, пустился наутёк. Молдаванин скинул шинель и бросился вдогонку...

У первобытного костра, вытирая жирные подбородки, военные наелись до отвала. Всякому солдату лучше один раз откусить, чем сто раз понюхать. Война войной, а обед по распорядку!

Но вскоре по радио получили грозную радиogramму от начальства, которое уже все знало из рапорта бабушки – хозяйки невинно

погибшего гуся. Молдаванин задумал операцию «Мечь».

Семь бед – один ответ. Взяв карбид из аварийного газосварочного аппарата «Пионер», он залепил его в мякину хлеба, сделал небольшие начинённые карбидом хлебные шарики. С полной пилоткой троянских угощений скрытно через плетень стал прикармливать хозяйских уток. Прожорливость уток известна. Если посадить утку в мешок с едой, она весь мешок через себя и пропустит как сквозь воронку, бесперебойно работая передом и задом. Утки глотали шарики с аппетитом и без всякой усталости. Быстро скормив весь запас, Цуркану вернулся на боевую позицию и стал наблюдать за «подшефным» двором в бинокль. Посреди двора у колодца лежала разрезанная по диаметру большая резиновая крышка от заднего колеса трактора «Беларусь», удачно приспособленная под корыто для питья. Бабка, выйдя во двор, набрала воды и наполнила круглое корыто доверху. Сытые, терзаемые жаждой, утки поспешили на водопой и жадно приложились к влаге. Напились!!!

Тут началось непонятное. Первая утка взорвалась, как противотанковая граната. Потом долбанула вторая, третья. Сначала бабка подумала, что это по уткам открыли огонь армейские миномёты, и сама забегала, ища укрытие. Потом заметила, что прямо на глазах ни с того ни с сего раздался взрыв и пух и перья полетели по ветру. Контуженная бабка неистово и непонимающе отмахивалась, крестилась, испуганной скороговоркой громко бормотала, что на ум пришло:

– Свят! Свят! Свят! Чур, меня! Чур! – оглядывалась, ища причину кровопролития.

А утки развернули настоящие боевые действия. Некоторые взрывались как террористы-самоубийцы по образцу первых немецких камикадзе, у которых японцы переняли идею. Другие с громким шипением вырывающихся сзади газов носились по двору, как реактивные самолёты на форсаже, не хватало только зажигания. Море крови, море шума, поголовная паника, полная боевая обстановка.

Военные празднуют, как воюют, не щадя живота. Цуркану наивно смеялся, глядя в бинокль, пока ему не врезали, куда следует, оставив на лице яркий след боевой операции. Армия вышибает из молодых дурачные мысли вместе с мозгами, хотя даже безобразия там

должны соответствовать уставу. Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона!

РАПОРТ

Командир советской воинской части изумлённо обвёл глазами военный гарнизон. Дежурный по части, храбрый офицер, отчеканил парадным шагом и, отдав честь, доложил.

– Товарищ командир! За время вашего отсутствия никаких происшествий не произошло, за исключением: он посмотрел в глаза начальника и продолжил:

– Сдохла собачка Жучка.

– Отчего же сдохла Жучка? – опустив руку, поинтересовался командир.

– Конины обожралась! – ответил дежурный.

– Да где же вы столько мяса взяли, когда солдатам не хватает? – удивился командир.

– Да солдаты полковую лошадь загнали, когда воду в столовую везли!

– А зачем в столовую столько воды надо, там ведь водопровод есть, – не понял командир.

– Да понимаете, кто-то гранату на печку положил, ну вот всех и разнесло, а столовая сгорела. Вот солдаты воду везли, чтобы пожар потушить, и лошадь то загнали.

Командир жадно ловил ртом воздух.

– Да это всё ещё ерунда! Пока заваруха шла, знамя части украли. Сами понимаете. Знамя – святыня воинская. Нет знамени – нет части. Расформируют нас.

– А командира под трибунал! – докончил командир и заорал: – Что же ты мне сразу обо всём не доложил?

– Да я замполиту сразу доложил, а он застрелился! – ответил дежурный.

Командир схватился за кобуру и потерял сознание.

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Средь бела дня командир воинской части остановил пьяного в дугу солдата советской армии.

– Товарищ солдат! Да вы пьяны?! – удивился взбешённый командир.

– Советую и Вам выпить! – спокойно ответил солдат.

– Это ещё почему? – ещё больше удивился командир.

– Сегодня день рождения Сталина! – ответил довольный солдат и пошёл своей дорогой, оставив изумлённого командира в бессильном недоумении.

СМИРНО

Ребёнка надо воспитывать, пока он поперёк лавки лежит; это Владимир Токарев знал с детства. Его сынишка, лет трех, был очень активным и инициативным. За ним требовался глаз да глаз. Придя в гости к другу детства, лейтенант выпустил на мгновение сынишку из виду, а тот открыл чужой шкаф, вывалил всё на пол и принялся сортировать содержимое. Увидав это, хозяин лишился дара речи. Токарев перехватил взглядом хозяйский шок, повернул голову и увидел происходящее.

– Смирно! – прокричал отец военный.

Малыш бросил своё занятие, вскочил, вытянулся в струнку и застыл как часовой у мавзолея.

ГУБА

Так-то оно, конечно, так, и не только потому что, а случись чего, вот тебе и пожалуйста, как бы чего не вышло! Но вышло. Вообще-то Аксютин попал на губу ни за что. Без вины виноватый.

Пошутить захотел, а кончилось гауптвахтой. Раскатал губу, что всё сойдёт, а не сошло. Начальник гауптвахты старшина Адаменко,

лютый зверь, тоже любил шутить. Он из разжалованных, крутой мужик, служил в дисбате, боялись его все, как огня, хотя скромный был, без лишних слов, два раза не повторял. Старшину знали все, надо быть таким скромным, чтобы об этом кричали на каждом углу, иначе скромность – это прекрасная дорога в неизвестность. Бог создал отбой и тишину, а чёрт подъём и старшину. Всех новеньких старшина встречал с радостью, как удав кроликов. Для всех у него была своя шутка, одно и то же задание с одним и тем же условием. Выполнишь, обещал отпустить, не выполнишь, добавлял трое суток. Разгильдяев за сутки делал шёлковыми. Во дворе гауптвахты стояло с водой двадцать 200 литровых железных бочек. Вода нужна была для хозяйственной и противопожарной цели. Сверху бочки были открыты как консервные банки, и они всегда должны были быть заполнены водой. За 200 метров от них находился журавль, колодец с длиной жердью, самый глубокий в округе и самый скрипучий. Этот скрип, скрипичная журавлиная музыка, приносила дисбатовцу ни с чем не сравнимое наслаждение. Это бросалось каждому, кто попадал на губу. В глазах его светилось затаённое злорадство. Задание было простое. Вылить из бочек всю старую воду и до отбоя натаскать свежую. Аксютин ответил – «Есть» и, считая в уме, получил от старшины два цинковых ведра с пожарного щита. Двадцать бочек по двести литров это 4 000 литров, четыре тонны. В ведро входит десять литров, значит надо натаскать 400 вёдер. Набрать, принести и вылить. Туда и обратно полкилометра, быстро за полчаса успеешь, получается 200 рейсов или две ходки в час, всего сто часов, а в сутках только двадцать четыре. До отбоя не успеть. Хороша шутка, вечное задание. Он уже слышал, что на губе после отбоя все хором таскают воду. Хорошо, когда нарушителей много, а одному – дисбат надолго.

Солдат человек бывалый, шилом бреется, дымом греется, его можно уважать уже хотя бы за то, что он отдал армии свои лучшие годы.

Солдат службу не выбирает, а приказы надо выполнять; и Аксютин начал не спеша таскать воду. Журавль скрипел, но без истерики, как в другие дни. «Жизнь не райская и не адская, посредине, как раз – солдатская», – думал Аксютин, хоть и ждал дембеля, как мать ребён-

ка. Солдат спит, служба идёт, чем больше спишь, тем меньше нарушений. Звание человека присваивается каждому младенцу в кредит, с оплатой в рассрочку на всю жизнь, а воинские звания в кредит не дают, только что Аксютин получил ефрейтора за образцовую службу. Ребята сокрушались: был человеком – стал ефрейтором. Теперь у нас свой фюрер. Один ефрейтор выбился, вошёл в историю, стал вождём целого народа. Но с другой стороны, вожди бывают только у индейцев. С новыми лычками на погонах свежеспечённый ефрейтор первым вышел из солдатской столовой и увидел на земле толстый канат для перетягивания, оставшийся от спортивных занятий. Новый командир решил показать всем свою власть и силу. Поколдовав над канатом, он бросил противоположный конец на крыльцо столовой. Встав перед берёзой и взяв канат в руки, сказал пообедавшим воякам, что один устоит перед всей ротой. Несколько человек приняли вызов, но Аксютин, не упираясь, легко держал канат, а воины упирались в землю изо всей силы, но перетянуть ефрейтора не могли. Из столовой выходили всё новые и новые солдаты и весело хватались за длинный канат. Но Аксютин не уступал. На канате не было свободного места. Вся рота против одного. Солдаты напряглись, рванули и хором повалились на землю. Берёзка почему-то выскочила из земли и, разбив окно, влетела в зал столовой, повалив столы, создав там панику.

Только тут все поняли ефрейторскую шутку. Он привязал свой конец каната к берёзе, а сам стал перед ней, заслонив узел своим телом. Прибежал дежурный по части и, не оценив шутки, отправил зачинщика на губу. Перед самым отбоем Аксютин, чеканя шаг, доложил начальнику гауптвахты, что приказание, выполнено.

– Разрешите покинуть гауптвахту, чтобы успеть на вечернюю поверку в свою казарму.

Старшина, ехидно улыбаясь, в сопровождении дежурных и дневальных вышел на крыльцо и не поверил своим глазам. Все бочки были полные, и в каждой бочке в отдельности отражалась луна и звёзды. Знающая всё сопровождающая свита ахнула, ничего не понимая, старшина подавил удивление и сдержал слово. Это за ним водилось. Арестованный получил свой ремень и сопроводилковку, отдав честь, покинул губу. На крыльце застыла немая сцена.

После отбоя теперь работы не было, и Адаменко приказал нарушителям воинской дисциплины набрать в бочках воды и перемыть полы во всей гауптвахте. Через минуту нарушители доложили, что воды на губе нет, мыть полы нечем.

– Как нет? – заорал старшина. 20 полных бочек с луной и звёздами! Сами только что все видели!

– Луна есть, звёзды есть, а воды нет товарищ старшина! – ответили арестованные.

– Он все бочки перевернул вверх дном, а там рантик есть на два пальца. Ему два ведра хватило, чтобы всё наполнить. В этих лужицах и блестят луна со звездами.

– Ефрейтор старшину провёл. Дисбатовца. Впервые в жизни, – шушукались в коридоре. Старшина выскочил на крыльцо красный, как рак. А там взорвался от смеха. Его поддержала свита, смеялась вся гауптвахта, и в каждой бочке отдельно тряслись от смеха луна и звёзды.

ХЛЕБОРЕЗКА

*Загадка: чего женщина любит,
солдат боится, а рабочий требует?*

Отгадка: наряда.

В армии раз в месяц хоззвод поступает в наряд в столовую. Работы там не впроорот. На ужин надо начистить самосвал картошки, нарезать, нашинковать, перемешать, наварить, посолить, попробовать, накормить, перемыть посуду и потом начинать всё по новой. Работы валом! Кто куда попадёт, тот тем и насытится. В овощном цеху хорошо, в рыбном лучше, в мясном сытно, ещё лучше пом поварам. Солдат всегда держится подальше от начальства и поближе к кухне. Здоровье солдата лежит на дне миски, а хлеб во все времена был всегда голова. Хлеб на стол и доска престол...

– Нужен доброволец съездить в городскую пекарню и привезти

хлеб! – Сказал перед строем старшина.

– Я! – раздалось сразу несколько голосов и добровольцы вышли из строя.

– Вы поедете! – указал пальцем командир на ближайшего солдата. – Будете хлеборезом.

В кабину машины ГАЗ-53 вмещаются только два человека – шофёр и экспедитор – поэтому в крытый фургон хлебовозки солдата посадили прямо на хлебные лотки и закрыли снаружи дверь на засов. Доброволец оказался в темноте, как арестант в «чёрном вороне», и сквозь щели с любопытством смотрел на проплывающий мимо красивый город, в котором он служил уже пол-года, но никогда его не видел. Эта поездка была как праздник, как подарок судьбы. Он всё же вырвался за ворота воинской части. Хоть в щёлочку, но видел город.

В пекарне он с радостью загрузил всю машину свежим душистым хлебом и опять, сидя на лотках с горячим хлебом, вернулся в воинскую часть. Из солдатской столовой высыпали военные и, как на субботнике в Китае, быстро занесли хлеб на кухню.

В хлеборезку в наряд были назначены три солдата. Одному поручили маслодавкой разделить сорокакилограммовый ящик масла на солдатские порции, кубики по 20 грамм, мысленно подсчитав в голове получалось, что в части служат 2000 человек. Другому на столько же порций надо было разделить мешки с сахаром. Третьему предстояло разрезать каждую привезенную буханку на 12 равных частей. Хлеборез в армии – почётная и уважаемая должность. Тщательно вымыв руки, хлеборез приступил к работе. Пока он ездил грузчиком в пекарню, его напарники заметно продвинулись вперёд в расфасовке сахара и масла. К ужину он еле успел нарезать весь хлеб, гудели руки и ноги, но надо было разгрузить следующую машину и нарезать хлеб на завтрак.

В полночь работа на кухне подошла к концу и появились первые вольношляющиеся. Все они стучались в окошко хлеборезки и просили хлеб. В России есть без хлеба не принято.

– Где ты работаешь? – спросил хлеборез стучавшего. – Давай баш на баш!

– У нас только кисель! – развёл руками солдатик.

– Тащи чайник и мы попьём.

– А у нас мясо варённое. – Объявился следующий в окошке.

– Тащи на троих. Поужинаем!

– Кашу будете? – Предложил третий.

– Кашу не надо, она и так по ночам снится. Надоела как горькая редька.

– А у нас ничего нет! Мы из дискотеки. Посуду моем, – ответил худенький замарашка.

– На нет и суда нет! – ответил хлеборе и просунул в окошко горячую буханку.

– Нас много! Можно ещё одну?

– Бери! Вот вам ещё масло с сахаром, чай попить!

Что может быть в армии вкуснее, чем свежий хлеб с маслом и чай с сахаром? Спешить уже некуда, всё сделано-перделано! Наелись досыта, глаза начинают слипаться и слова уже не выговариваются до конца. Сон в армии важнее кухни. Соскоблив остатки сливочного масла с обёрточной бумаги, намазали им сапоги и так отполировали их сапожной щёткой до блеска, что даже луна стала пускать зайчики весело и ярко.

В казарму идти спать на пару часов смысла нет. Решили спать в хлеборезке. А где? Пол холодный, а стеллажи полны хлеба. Решение пришло быстро. Сняли ремень и сапоги, помыли под краном ноги, на буханки тёплого ещё хлеба постелили газеты, улеглись сверху на душистый хлеб. Получилось мягко, уютно и тепло как на русской печке. Только сомкнули глаза – стук в дверь, утро наступило. Роты пришли на завтрак. Быстро вскочили, смели в охапку газеты, протёрли глаза и закипела работа.

Мухой летал хлеборез, выдавая дежурным по ротам хлебушек и масло с сахаром. На завтрак прошла лавина солдат. Гремели алюминиевые чашки, стучали ложки. В зале гул, гвалт, команды. Отстрелялись!

И опять тишина и пустые полки, кухнари поели сами. Хорошо! Но вот и новая машина подошла с хлебом, надо разгрузить, нарезать, приготовиться к обеду. Круговорот воды в природе армейский закон. А без хлеба и воды, там ни туды и не сюды!

ПЕРЕД ДАЛЬНОЙ ДОРОГОЙ

*Если в части очень тихо,
значит рядом командир!*

В советской армии была крепкая дисциплина и железный порядок. Казарма на 180 человек выглядела как игрушка. Табуретки, кровати, подушки, полосочки на одеялах всё выровняно по ниточке, ровно и красиво. Кантики на одеялах выщипаны под прямым углом и выглядели как кирпичики. В тумбочке всё на своих местах, в голове тоже. Все отличники боевой и политической подготовки. Остров Доманский в то время от китайцев отстояли доблестно, с шиком.

После окончания учебки всем курсантам предстоял переезд в действующую часть. Солдатики написали домой, что скоро поменяется адрес их дальнейшей службы. В ответ многие получили почтовые переводы, чтобы в дороге были деньги на карманные расходы.

Иван тоже получил извещение на 25 рублей, показал его младшему командиру, чтобы получить разрешение, и отправился на почту; а получив наличные, спрятал их в свой военный билет, который всегда носил в левом кармане гимнастёрки. 25 рублей – огромные деньги, прислал их старший брат.

Месячная зарплата на гражданке была рублей сто, а у солдата 2 рубля 80 копеек. На эти деньги надо было купить конверты, бумагу для писем, почтовые марки, белый материал на подворотнички, сапжный крем и курево. 25 рублей для солдата целое состояние.

Завтра в действующую часть, в полдень поезд. Проездные документы на руках. Последняя ночь в родной казарме.

Утром подъём прошёл как обычно. Все построились, позавтракали, получили сухой паёк, приготовили рюкзаки к дороге, проверили документы и тут оказалось, что у всех, кто получил из дома деньги на дорогу, ИХ НЕТ!!!

Не веря глазам, перетрясли военные билеты, перебрали проездные документы. У всех шок! Вчера после отбоя, как положено по уставу, все курсанты свои гимнастёрочки аккуратно выкладывали на

табуретках, стоящих передкроватьями с торца. «Вот командиры ночью и собрали обильный урожай денежных знаков. – Высказал кто-то предположение. – Всё как в песне поётся. Армия Советская серьёзная требует внимания от вас!»

Иван подбежал к командиру и доложил о происшествии, следом подошли другие курсанты. Оказывается ограблены были все поголовно.

– Ничего страшного! – успокаивали командиры. – Езжайте спокойно. Ваши адреса у нас есть. Деньги обязательно найдём и вышлем следом.

Сорок лет прошло. До сих пор высылают.

ЦВЕТОК В ПЫЛИ

Военные учения подходили к концу. Солнце висело в зените. Оно не светило, а жгло, и всё выгорело! Земля потрескалась, превратилась в порошок и потеряла цвет. В степи было настоящее пекло. Пустыня, покрытая пеплом и цементом. Термометры зашкаливали в тени. Ни ветерка, ни дуновения. Жара. Мёртвый штиль и грозный рёв моторов. Мелкая пыль плотным густым облаком висела в воздухе и не хотела опускаться на землю. Пыль проникала в кабины машин, хотя стёкла были подняты, в двери, которые были плотно закрыты, в щели. В кузове, под брезентом, у солдат волосы от пыли стояли дыбом, пыль лезла в душу, в глаза, скрипела песком на зубах, проникала в лёгкие, забивала фильтры моторов. Вокруг было темно от пыли. Был полдень, но солнца не было видно. В тёмном небе сквозь густую пыльную завесу оно угадывалось как расплывчатое светлое пятно. Машины шли с включёнными фарами, с дальним светом, но дорогу всё равно было плохо видно, хуже, чем в густом тумане. Иногда в пыли угадывались огни фар встречных санитарных машин и машин связи. Дышать было нечем, машины задыхались, дёргались, рычали и упорно шли вперёд, таща за собой шлейф пыльного облака. Техника, сапоги, людские лица – всё покрылось толстым, липким слоем серой пыли. Солдатские гимнастёрки были мокрыми от пота и белыми от

соли. Губы потрескались, полопались и болели. Жара разлагала волю, не было сил шевелиться, говорить, думать. По телу ручейками струился липкий пот. Жажда жгла грудь и скребла сухое горло. Военный караван – мираж сонно пылил от самого горизонта. Степная трава, придорожные цветы, покрытые пылью, согнулись под тяжестью бетона. Время зависло в пыли между небом и землёй. И вдруг в низине, в овраге, путь каравану пересекла настоящая река! Нет, речка, речушка, ручёек: мокрый и прохладный, чистый и живой, журчащий и бесконечный! Машины дружно заглохли, военные высыпались из кузова, как горох. Упали, припали к ручейку сухими губами, смаковали, пили– пили, жевали, ломящую зубы, драгоценную воду. И ожила жизнь, поднял, как солдатик, головку, политый из солдатской фляжки, поникший придорожный цветок в пыли. После неудачного прыжка на ногу, нельзя было ступать, но нельзя и отставать. Напившись досыта, кое-как доковыляв до командира, солдат доложил о случившемся, тот сообщил вышестоящему, что пришла санитарная машина, и солдата, вместе с другими травмированными воинами, увезли назад в санчасть. Там пощупали, смазали зелёнкой и отправили в госпиталь. Госпиталь находился недалеко от взлётной полосы военного аэродрома и трясся при каждом взлёте реактивной техники. В палате было не пыльно и даже излишне стерильно. Белые – белые стены и девять белоснежных коек, некоторые были свободны и ждали своих обладателей. В армии лечат не врачи, а время, помогает молодость и желание вырваться. Развлечение-радионаушники, книги и дежурные медсёстры. Все они зрелые, аппетитные, но по слухам, уже чьи-то. Любовь – затейливая штука, но для солдат она вредна, не лезет в голову наука, а лезет только лишь она! Медсёстры приносили больным запретные книги, книги про любовь и мечтали удачно выйти замуж. Но самое запретное для больных – это кино в гарнизонном клубе по субботам. Больным, даже не заразным, вход туда запрещён, остаётся довольствоваться тем, что расскажут дежурные медсёстры. После ужина последний медработник закрывает двухэтажный госпиталь на ключ, и до утра в нём царит анархия – мать порядка. Хоть на голове стой, только стены не покидай. Жизнь непыльная и несладкая, – посередине, как раз солдатская. И трепалась молодёжь до утра.

Утром без команды больные не могли встать. Приходил горластый старшина, и жизнь оживала. Бог создал отбой и тишину, а чёрт – подъём и старшину. Больным и поболеть не дают, режим дня придумали, процедуры! А тут слух прошёл: привезли в часть индийский фильм «Цветок в пыли». Про любовь! От индийских фильмов все были без ума, особенно медсёстры. Они рассказывали о несчастной любви, добавляли своё, и слёзы лились ручьём и в кино, и в зале, и на другой день, на работе, во всех местах, где работали вчерашние зрители. К следующей субботе сезон слёзных дождей утихал. Все шли в клуб на новый фильм. В индийских фильмах было много музыки, песен, танцев, любви, там герои никогда не целуются. В них всё держится на чувствах. В фильмах всегда было две серии. В первой серии сюжет всегда заворачивался, а во второй разворачивался. Никто не выходил равнодушным, все ревели, даже офицеры.

– А что, если и нам сходить в кино? – подал кто-то в палате мысль.

– Это же самоволка, на губу посадят!

– Какая самоволка? Мы пределы части не покидаем, клуб-то на территории гарнизона. Главное, хромым с костылями не брать, загипсованных тоже, засветятся, а кто без особых примет, почти не рискует, в клубе наших тысяча. Все, как инкубаторские, одни погоны, погоны, погоны. Не узнают. Сказано-сделано; после ужина госпиталь, как всегда, замкнули на замок. Больные и раненые выждали, чтобы в клубе началось кино и погас свет. Чтобы не засветиться, надо зайти в темноте и выйти из клуба тоже пораньше, затемно, до того, как включают свет. Риска почти нет. В строго рассчитанное время, солдаты, через окно второго этажа, стали покидать госпиталь, спускаясь по водосточной трубе.

– А ты, куда с гипсом и костылями? – зашипели на солдата самовольщики.

– Цветок в пыли! Я тоже хочу! – прошептал солдат.

– Болей здесь! Тебе и по трубе-то не спуститься. Пока! – хлопнул его по плечу последний. Выждав, пока кинодесант скроется с глаз, солдат выбросил в окно свои костыли, и, цепляясь руками и зубами, тоже спустился по водосточной трубе. До клуба, маскируясь в сумер-

ках, добрался без проблем. Вошёл в кинозал и ослеп. Надо немного постоять у дверей, чтобы глаза привыкли к темноте, а потом можно пробраться на свободные места. Глаза быстро, недалеко от входа, нашли свободное место. Солдат, пряча костыли, шустро добрался до него и довольный шлёпнулся в кресло.

– Ну, вот ты уже и вылечился. Поздравляю! – вдруг произнёс из темноты новый сосед. Солдат удивлённо на него уставился и узнал своего лечащего военврача, а рядом с ним сконфуженно отвернувшуюся дежурную медсестру.

– Надо же так нарваться, – подумал солдат, он попытался встать и вырваться назад к выходу, но врач сказал:

– Не спеши! Индийский фильм очень хороший. Досмотри до конца.

А утром по состоянию здоровья выпишем тебя на службу. Ты с костылями почти не хромаешь. Досмотри фильм-то, он того стоит! «Цветок в пыли!» Это не ты на ученьях, в степи цветы из фляжки поливал?

– Тише! – зашипели сзади, и солдат, оглянувшись, узнал весь десант из своей палаты.

САМОВОЛКА

Чтобы быть счастливым, человек должен воображать себя свободным. Выбраться за забор воинской части – мечта каждого солдата. Инициатива выбраться за забор без разрешения называется самоволкой, или самовольной отлучкой, и наказывается, как правило, арестом и отправкой на «губу» – гауптвахту на 10-15 суток. Но всё равно, многим солдатам, свобода снится по ночам.

Когда старшина объявил, что нужен доброволец для того, чтобы погрузить в грузовик солдатские кровати и потом их выгрузить на полигоне, молодой солдат первым сделал три шага вперёд.

– Хоть день побуду я свободным, – решил солдатик.

Погрузив кровати в военный ГАЗ-66, он спрятался от ветра в кузове. Старшина сел в кабину, шофёр за руль и они выехали на свобо-

ду, за ворота надоевшей части.

Авиационный полигон оказался просто степью с несколькими небольшими постройками: казарма, столовая, штаб с вышкой руководителя полётов, еще несколько складских сооружений, огороженных колочей проволокой и всё.

Прямо за казармой был обрывистый высокий берег, внизу волнующееся море. По другую сторону степь до горизонта, но за глубокой балкой стояли длинной колонной мишени для учебной стрельбы с самолётов.

Это были настоящие танки, самоходки, бронетранспортёры, грузовики, пушки, гаубицы, самолёты. Боевая техника второй мировой войны и даже современные серебристые реактивные истребители и списанные бомбардировщики.

Разгрузив кровати и отобедав с местными солдатами, салага вышел на улицу. Старшина сказал, что назад они поедут после ужина, а сейчас можно быть свободным, у него ещё есть дела и ушёл.

Солдат надвинул пилотку на глаза и, прищурившись, глядел в степь туда, где стояла военная техника – геройская свидетельница боевой солдатской славы. Потом он взглянул на часы и решительно направился к своеобразному музею.

Взяв штурмом балку, он ушёл далеко, почти до середины военной колонны. Постройки сзади виднелись аж на горизонте. Осмотрев всё снаружи, он залез в легендарный танк Т-34, броня которого была толщиной с ладошку. В башне было темно и романтично, свет заходил только через открытый верхний люк. Он представил себя героем-танкистом, пропахшим порохом и гарью, крутил разные ручки, отчего вертелась башня, поднимался и опускался ствол танковой пушки. Солдат дёргал за рычаги, кричал, отдавал команды и стрелял из поломанного пулемёта по окружавшим его врагам.

Вдруг он услышал по броне щёлканье настоящих пуль и в башне появились взрывы света как от многих фотовспышек. Танкист посмотрел вверх и мгновенно очнулся.

Высоко над ним висели самолёты. Одно звено разворачивалось в небе, заходя на цель. Прямо над танком с рёвом пролетели реактивные истребители, стреляя из всех видов бортового оружия. Фото-

вспышки, не переставая, светились на их крыльях, пули цокали по броне. Солдат мгновенно отпрянул в сторону от люка, прижавшись к броне башни. Если одна пуля попадёт в люк, служба закончится, – подумал он. Гул турбин удалялся и молодой солдат осторожно выглянул из люка. В небе кружили самолёты и, развернувшись, очередное звено истребителей пошло в атаку. Солдат снова отскочил в сторону, успев захлопнуть за собой верхний люк. Через мгновение пули забарабанили по броне.

– Вот влип! – подумал солдат. – Я же никому не сказал, что пойду сюда и разрешения не спросил. Сюда наверное нельзя. Считай, я в самоволке да ещё как на фронте. Самолёты работали по полной программе, пули сыпались как горох и искали жертву. А что, если они сейчас бомбу сбросят или ракету спустят, тогда прощай мама! Нет, надо тикать. Сколько самолётов ещё прилетит – неизвестно, а опоздай он к ужину – начнут искать, поднимают тревогу и ночлег на нарах обеспечен. Но лучше на губе сидеть, чем в гробу лежать, – решил он и стал действовать.

На дне танка оказался люк для спасения. Не без труда его удалось открыть, вскоре он лежал под танком, на земле между гусеницами. Рядом в землю с визгом впились пули крупнокалиберного пулемёта, бесцеремонно вздымая солидные фонтанчики земли. Смерть резвилась на расстоянии вытянутой руки. Следующий танк находился метрах в двадцати, за ним стоял другой на таком же расстоянии и так до самой балки, а там за ней воинская часть и безопасность.

Как только пули перестали щекотать землю, солдат выглянул из-под танка. Самолёты, задрав носы, уходили с набором высоты на следующий круг, а другое звено в начале колонны уже выходило на цель.

Солдат перекрестился, призвал Бога в помощь, выскочил из-под танка и изо всех сил побежал навстречу самолётам к следующему танку. На бегу расстегнул и выбросил мешавший бежать ремень и только с разгона бросился под днище танка как по броне противно зацокали смертельные снаряды. Воин прополз под танком в направлении следующей мишени.

Как только смерть отщёлкала зубами свою страшную песню, он

повторил перебежку. Потом ещё и ещё. Он устраивал с ней соревнование на первенство, на скорость. Страха не было, была собранность и расчёт, время растянулось как резина. Как суворовский солдат, который переправлялся через Альпы, он скатился по песку на дно балки и мухой взлетел в гору на противоположной стороне.

Перед самой частью, маскируясь между деревьями, он отдышался, почистился, привёл себя в порядок. Сильно болел затылок, видно где-то хорошо ударился, в волосах запеклась кровь. Кроме ремня отсутствовала пилотка. Где и как она слетела, он даже не заметил.

– Ты что такой бледный? – спросили его в столовой солдаты.

– Да так. Дом вспомнил, – отшутился солдатик.

– А пилотка где? Почему без ремня? – снова спросили они его после ужина.

– Возле балки стоял, расстегнул ремень, хотел заправиться, а он упал на дно и пилотку сдуло. А лезть за ними я побоялся. Там глубоко.

– Ладно, салага, не дрейфь! Героя из тебя видно не получится, герой должен быть смелым! – хлопнул по плечу новый знакомый, – пошли к коптёрщику, он тебе форменный комплект пополнит. Это же ты нам кровати привёз?

– Так точно!

– А к балке подходить нельзя, считается самоволкой. Запретная зона. За ней начинается полигон. Там лётчики учатся стрелять. В хорошую погоду они по очереди с утра до вечера тренируются.

Каждый пулемёт на самолёте заряжают специальным боекомплект, пулями со специальной, сырой краской, разных цветов. Попав в танк, пули оставляют на броне штрихи, как будто чиркнули цветным мелком. После стрельб мы едем туда, посмотрим, считываем у кого сколько было попаданий, ставим зачёты и передаём данные на аэродром.

Прошлым летом один пилот ошибся, и бомба взорвалась в ста метрах от нашей столовой. Да и ходить по полигону опасно, то бомба лежит неразорвавшаяся, то ракета. Так что у нас тут не служба, а фронтные условия. Целый день война, пули свистят, взрывы гремят.

Одни улетают, другие прилетают.

Однажды выпускник летного училища, здешний житель из соседней деревни, отрабатывая технику пилотирования, специально уклонился от курса и снизился с заданной высоты, летая на уровне заборов над родной деревней, до смерти перепугал и разогнал стадо коров, всех гусей и кур, а заодно и население. И только его отец догадался, что «это Ванька наш летает!»

Наслушавшись баек и поужинав вместе с солдатами, салага залез в кузов своей машины и спрятался за кабиной. Он решил молчать о происшествии. Пусть это будет военная тайна. Гауптвахту, похоже, можно избежать, если пилоты не настучат, а может они и не видели, иначе бы не стреляли. Бьют не за то, что делаешь, а за то, что попадаешься, учили в школе хулиганы. Вскоре подошёл старшина с водителем.

– Ну что? Поехали? – спросил старшина.

Самовольщик радостно кивнул головой и они поплыли по бескрайней сухой степи. Солдат оглянулся. В небе над полигоном, как стервятники, всё ещё кружили самолёты и, срываясь с горки коршунами, летели к застывшим танкам, сверкая фотовспышками пулемётов на своих серебристых крыльях.

ШТОРМ

Силе моря нет предела, измерить её невозможно, любую шкалу зашкалит, и этот восьмибальный шторм синоптики предсказывали серьёзный.

Служба проходила в Крыму на Чёрном море. Как-то летом подошёл майор и сказал: «Готовь радиостанцию, как только синоптики дадут погоду, пойдём в море испытывать космическую капсулу на приводнение». Через несколько дней погоду дали. В Феодосии мы погрузились на огромное научно-исследовательское судно «Саша Чекалин», где под брезентом уже находилась космическая капсула. Вышли в море и направились в заданный квадрат. Впереди – военный тральщик, сзади – дизельная подводная лодка. Проводив нас до места, они куда-то исчезли. Моя задача – стоять на мостике между ка-

питаном корабля и майором военно-воздушных сил, держать связь с нашим аэродромом, докладывать, как идут испытания, а так же передавать капитану команды с земли.

Был полдень, но вдруг начало темнеть. Небо и вода стали чёрными. Море становилось злым. В космический корабль залезли два человека в скафандрах. Шарик подняли и опустили в море. Он скакал по вершушкам волн, как поплавок, и казался непотопляемым. Судно отошло от него на приличное расстояние и вело наблюдение. Тем временем шторм нарастал. Чёрное небо смешалось с чёрной водой, волны обрушивались на корабль, накрывая его целиком, как огромной кувалдой било по бортам, корабль вздрагивал всем корпусом и трещал.

Ещё в порту, перед выходом, мы наелись до отвала. Теперь никто есть не хотел, всех тошнило. К моему собственному удивлению, я держался на ногах, когда многие моряки уже лежали плашмя. Морская болезнь буквально косила людей, выворачивая их наизнанку. Корабль был похож на помойку. К тому же, Чёрное море живое только в верхнем двухсотметровом слое, ниже оно мёртвое, там сероводород, пахнет тухлыми яйцами. При шторме вода перемешивается, и запах выходит наружу, вонь невыносимая. В глазах людей не было разума и желаний, они потухли, только страх делал их абсолютно круглыми. Все хотели жить, и мало кто надеялся уцелеть. Многие искренне бормотали самодельные молитвы: хоть бы на полчаса прекратилась эта болтанка, хоть бы ещё раз ступить на твёрдую землю, хотя бы снова увидеть мать. Боже, прости наши грехи, спаси наши души.... Если останемся живы, будем жить по-другому, будем ценить каждое мгновение. Было очень страшно и жалко себя. Собственное будущее было отрезанно от нас кипящим морем. Это было почище ада.

О космической капсуле, кажется, все забыли, и те двое там давно должны были отдать Богу души. Но, проболтавшись вечность, четыре дня между жизнью и смертью, мы увидели её. Волны были ещё очень высоки, качало ужасно, но корабль уже не стонал, а космический шарик плавал невдалеке, как ни в чём не бывало, по-прежнему перекатываясь с гребня на гребень. Капитан решил не играть с судь-

бой, выловить шарик и идти в порт. Спустили боковые сети, с четвёртой попытки шарик подняли на палубу. Из него выползли два худых и зелёных инопланетянина, говорить они ещё могли, выглядели ужасно: им досталось больше всех. Эти испытатели – истинные герои. Их увели в каюту. Вряд ли они там уснули. Постель проваливалась под человеком в бездну, и он летел ей вслед, чтобы догнать, но она вдруг разворачивалась навстречу и больно била; даже если её обнимали двумя руками, она всё равно умудрялась вырваться и показать свой дурной характер.

С десятой попытки корабль вошёл в порт, его постоянно сдувало и сносило мимо портовых ворот. Затратив полдня, мы, наконец, пришвартовались к твёрдой, бетонной, не качающейся стенке. Все поспешили на твердыню, ещё не веря, что молитвы сбылись. Со стороны было смешно смотреть, как трезвые люди шли по асфальту, покачиваясь хуже пьяных. Моряки, набив мой рюкзак битком гостинцами: сушеной рыбой, воблой и таранью, сказали, что я выдержал водное крещение. Рыбу ела вся казарма и просила рассказать ещё и ещё, как штормило море. В столовой я хватал свою миску, чтоб её не унесло на другой конец стола, делал паузу, пропустив волну, затем, как фокусник, совал её в рот. Солдаты сбегались посмотреть эти выкрутасы. Теперь уже весёлый смех сотрясал стены...

А вообще армия – это самые насыщенные годы моей жизни. Долго мы ещё вспоминали со старым другом прошлое, общих знакомых. Наши судьбы оказались схожими. Мы работали и учились. Любили и растили детей. Ошибались, падали и вставали с колен. Мы кричали, но нас не слышали, тогда мы стали писать. Может поймут нас потом, может услышат? Мы обменялись фотографиями наших детей. Он, мой друг, подарил мне свою книгу: «Мне тебя не забыть». Он большой человек в Берлине, режиссер «Немецко-русского театра». Мы расставались, как братья. Человеку очень важно знать, что где-то у него есть надёжный друг, с которым можно пойти в разведку. «Друга не надо просить ни о чём, с ним не страшна беда. Друг мой – третье моё плечо, будет со мной всегда!» Как это верно!

РЕЖИМ ТИШИНЫ

В то утро мы вышли в море на подводной лодке. Море было спокойное, задание несложное. Во-первых, мы должны были спрятаться под водой, а самолёты должны были нас найти, запеленговать и условно уничтожить.

Когда отработали первую тему с авиацией, морякам предстояло отстреляться из-под воды учебными акустическими торпедами по надводной цели.

Подводная лодка оказалась живым организмом черноморского военно-морского флота. В подводники подбирали крепышей маленького роста, потому что в подлодке мало места для великанов. Спали моряки на берегу в казармах и только в походах круглосуточно находились на ограниченной территории подводного корабля. В лодке было очень тесно. Двери в перегородках были круглые, как большие бронированные двери сейфа. В каждом отсеке матросы находились на своём боевом посту, а отдыхали на узких многоярусных коечках, расположенных между трубами, манометрами и вентилями. Лёжа на спине, я носом касался каких-то трубопроводов и для того, чтобы перевернуться на живот, надо было вылезать из спальника и по новой в него забраться.

Кормили подводников хорошо, давали шоколад и 50 грамм красного вина на нос. Под матрасами у моряков лежал слой сушеной рыбы, тараньки или воблы. За накрытым столом сидело по 10 человек. По нелегальному закону всё вино пил один, остальные в этот день исполняли его обязанности сообща. И так по очереди все ловили кайф, если не попадались.

Я был на лодке сухопутчиком, представителем Военно-воздушных Сил СССР, участвующий в научных испытаниях. Я был крупнее подводников и любопытнее.

Переходя из отсека в отсек, через круглые двери в переборках, я впервые же минуты по неопытности набил себе немало шишек, суя всюду свой нос и знакомясь с устройством подлодки. Особенно тяжело было в моторном отсеке. Там работали дизеля, грохот и вонь были запредельные. В электроотсеке пахло серной кислотой, как в аккумуляторной большого гаража. В надводном положении дышать

было ещё можно, а в подводном кислый кислород вырабатывался селеновыми пластинами и лица у всех были напряжёнными.

Подлодка, как огромная рыбина, шла полным ходом в заданный район. Нас сопровождало какое-то военное судно. Наверху, на мостике, стоял командир подлодки, вахтенный офицер, врач и мы – заказчики, майор ВВС и я, его радист. Моя задача была обеспечивать связь с самолётами, аэродромом и руководителем испытаний на секретной частоте, недоступной радиостанции подлодки. Командиры соколами смотрели вперёд, я прятался от сильного ветра, а врач со спиннингом ловил чаек. Чайки огромной стаей летели за кормой и ждали подачек, когда после обеда кок выливал в море ведро пищевых отходов. Врач насаживал на крючок кусок хлеба и закидывал в море. Хлеб ещё не касался воды, а чайка уже на лету заглатывала наживку и, крича от боли как человек, ничего не понимая, отчаянно махала крыльями и притягивалась леской прямо в руки корабельного врача. Избив его крыльями по лицу, успокаивалась на дне чёрного мешочка. Врач был ещё и таксидермистом и делал из них чучела для друзей и музеев. Я смотрел на это с жалостью и сострадаанием.

При заходе в заданный квадрат, куда было запрещено заходить всем кораблям и залетать всем самолётам, кроме нас, участников испытаний, я передавал наверх всё, что приказывал мой майор и, получив ответ, мы все спускались вовнутрь лодки, заdraив за собой люк.

Командир отдавал команды, получал доклады, за бортом что-то булькало и свистело, пол под ногами уходил из-под ног и вместе с ним мы проваливались в глубину морской пучины.

Я удивлялся, почему на всей лодке нет ни одного окна, чтобы любоваться подводным миром, а не играть в военку.

Лодка должна была опуститься на определённую глубину и двигаться зигзагом. В это время в предполагаемый район нахождения подлодки прилетали самолёты – торпедоносцы.

Это были противолодочные самолёты Ил-38 построенные для армии на базе пассажирского Ил-18. Самолёты были оснащены поисково-прицельной системой «БЕРКУТ» в состав которой входили сбрасываемые радиогидроакустические буи и специальная бортовая ап-

паратура, которая обеспечивала поиск и уничтожение подводных лодок противника в любых метеоусловиях. В фюзеляжных отсеках самолётов размещались глубинные бомбы, противолодочные управляемые ракеты, торпеды и мины.

Они кружили над морем и сбрасывали на парашютах радиобуи, напичканные электроникой и передающей радиостанцией. Буи были толщиной с бревно и длиной в рост человека. Опустившись в воду, они плавали вертикально, как поплавки. В нижней части от них отделился микрофон с кабелем длиной 70-100 метров, опускался на заданную глубину и прослушивал ближайшую акваторию.

Три-четыре буя, сброшенных в вершины предполагаемого треугольника или квадрата, пеленговали под водой шум лодки и сообщали координаты на борт самолёта. При обнаружении подлодки самолёт подлетал к ней, сбрасывал в воду торпеду или глубинные бомбы и ждал, пока рыба не всплывёт кверху брюхом, а лодка замолчит навечно и успокоится на дне.

Через час после завершения испытания, лодка всплывала, открывали верхний люк и вовнутрь врвался свежий морской воздух. Все пьянели от счастья вдыхаемого первого глотка настоящего божественного эликсира. Надышавшись и успокоившись, мы уходили в другой запланированный квадрат и приступали ко второму заданию.

Лодка подплывала к СМ, «Санта Марие», судну мишени, списанному кораблю, стоящему на якоре. Два моряка на резиновой шлюпке сплавали на судно и завели там бензиновый движок, который вырабатывал только звук и должен был тарабанить, пока не кончится топливо в бачке, залитое специально с учётом времени учебных стрельб. Приняв мотористов на борт, лодка уходила в заданный район и скрывалась под водой.

Командир объявлял на борту «Режим тишины». Это значит, что в подлодке молчали моторы. Нельзя было разговаривать, ходить, скрипеть, при чтении переворачивать страницы, дышать только тихо, не кашлять, не производить никаких звуков.

Офицер забирал у всех ручные часы и будильники. Всё, что издавало звук и шорохи, складывали в герметический стеклянный колокол. Все лежали или сидели без движения, без звука, лишь движок на

«Санта Марие» тарабанил и издавал единственный шум на всю ближайшую округу.

В это время командир молча отдавал торпедистам приказ и гидроакустическая торпеда, идущая на звук, изрыгалась подлодкой на поиски своей жертвы. Учебная торпеда без боеголовки, вырвавшись на свободу, сразу засекала грохочущий движок на «Санта Мирие» и пошла в атаку, но в это время движок чихнул два раза, пожелал всем здоровья и долгой жизни, замолчал надолго.

Разъярённая торпеда сразу оглохла и ослепла. Цель пропала прямо перед носом, звук исчез.

На подлодке, под стеклянным колпаком, хронометр молча отмахивал на циферблате секунды и минуты. Вот сейчас, в эту секунду, по расчётам, торпеда должна была впиться в борт «Санта Мирии». В боевых условиях прогремел бы взрыв, ещё резервное время ожидания и перестраховки. Всё! Время истекло!

– Отбой учебной тревоги! – отдал команду командир подлодки. Всё ожило, все оживились, лодка приготовилась к всплытию. В цистернах засвистел сжатый воздух, субмарина качнулась и пошла наверх. Вдруг страшный удар чуть не завалил лодку на бок.

Мгновение и раздался сигнал боевой тревоги. Пошло экстренное всплытие. Ошарашенная подлодка нехотя, как больная, слушаясь и не слушаясь, нехотя всплыла на свет Божий. Командиры мгновенно взлетели на мостик и увидели торчащую в правом боку подлодки свою собственную торпеду.

В порт самострелы возвращались с позором, но своим ходом. Независимая комиссия сделала вывод: в тот момент, когда оглохшая торпеда потеряла цель, она продолжала двигаться по инерции и через какое-то время снова обнаружила звук. Сработала автоматика, торпеда развернулась и на исходе своих сил воткнулась в борт своей подлодки.

Подводная лодка состоит из двух корпусов, как термос. Из крепкого внутреннего и лёгкого наружного, один в другом. Между двумя корпусами закачивается вода, чтоб лодка набирала вес и уходила под воду, или наоборот запускается сжатый воздух, который вытесняет воду из отсеков, делая лодку лёгкой и она всплывает как поплавок.

Пространство между корпусами перегороджено на отсеки, чтоб в случае повреждения одного другие бы работали без изменений. Это обеспечивает непотопляемость и увеличивает живучесть подводного корабля.

Если бы торпеда была не учебной, а с боеголовкой, прогремел бы взрыв, и лодка ушла бы на дно. Лежали бы мы тогда все вместе в стальной братской могиле на дне моря, в режиме тишины, а так, все отделались лёгким испугом.

На американском военном флоте была подобная ситуация. Следуя инструкции, командир подлодки «Скорпион» «выстрелил» неисправную торпеду за борт, развернул лодку на обратный курс и начал «убегать», но... через некоторое время торпеда «нагнала» субмарину и она затонула в Атлантическом океане вблизи Азорских островов. В мае 1968 года 91 человек навсегда ушли на глубину 3300 м. Так оценили ситуацию по магнитофонным записям гидрофонов специальная комиссия США.

Море ошибок не прощает. Слово – серебро, молчание – золото. Режим тишины – гарантия спокойной жизни.

PS: В Германии производятся водородные подводные лодки класса U-212. Под водой лодка долгое время работает на топливных элементах производства Siemens AG и практически не производит шумов.

ПУСТЯЧНОЕ ЗАДАНИЕ

Командир военного корабля страшно любил полакомиться свежей рыбкой. Времени на рыбалку у него не было, но рыбку иногда ловил. Море щедро делилось запасами со всеми, кто в них нуждался.

Большой минный тральщик полным ходом шёл на пустячное задание – доставить заказчиков в закрытый район, для испытания там военными учёными новых средств спасения людей на море.

Командир с офицерами стоял на мостике и поглядывал в бинокль. Военный корабль стремительно шёл вдоль берега на расстоянии трёх миль. Вдруг, что-то увидав, командир стал пристально рас-

смастривать в бинокль какие-то вешки, торчащие из воды.

– Право руля! – скомандовал капитан, и корабль взял вправо.

– Стоп машины! Малый назад! – минный тральщик, задрожав всем корпусом, подгребая под себя буруны морских волн, подошёл кормой к деревянным вешкам.

– Аврал! Свистать всех наверх! – опять отдал команду капитан, и все засуетились. На мостике появились два матроса с биноклями, один стал смотреть вперёд по курсу корабля, другой назад. Они были на шухере.

Вся команда собралась на корме и встала вдоль борта, плечом к плечу. Слева по борту багром подцепили вешку и вытащили на корабль. Вместе с ней из-под воды вытащилась рыболовная сеть местного рыболовецкого колхоза. В сети было много рыбы. Она трепыхалась и сверкала на солнце серебристой чешуей, как изумрудами. Моряки стояли плотной стеной вдоль борта и поднимали из воды сеть. Перебирая её верхний конец, передавая её из рук в руки, проводили вдоль кормы и по правому борту опускали опять в воду.

Другие ловко вытаскивали из сети рыбу. Кок притащил из камбуза большие алюминиевые бачки в диаметре больше чем с полметра, и в них полетели крупные, как сапоги, рыбины. Потом пошла камбала, да такая большая, что в бачок не влезала. Я тоже протянул руки к сети и хотел вытащить приличную камбалу, но сразу получил по рукам от стоявшего рядом матроса:

– Электроскат! Не трогай! А то долбанёт!

Тут пошёл ажиотаж. На палубу из сетей выпала черноморская акула «Катран» длиной около метра. Она билась и скакала по палубе, пока кок огромным гаечным ключом не вмазал ей по голове. Когда пустые сети снова ушли под воду, а вешки опять покорно кланялись волнам, стоящие на шухере вперёдсмотрящие сообщили, что нас засекли, и с берега по направлению к кораблю движется рыбацкий баркас. Минный тральщик взревел моторами. За кормой забурили буруны, и грозный военный корабль пустился наутёк, удирая от маленькой рыбацкой лодки и от ответственности.

Наконец корабль пришёл в заданный квадрат испытаний и встал

на якорь. Было лето. Солнечно и жарко, на море стояла мёртвая зыбь. Из камбуза вкусно пахло жареной рыбой. Моряки вынесли на палубу обеденные столы и над ними натянули брезентовый тент. Сидя в прохладе, ласкаемые едва заметным шевеленьем лёгкого ветерка, все ожидали вкусного обеда и любовались морским пейзажем. Корабль, море, горизонт и солнце. На столе дымилась уха. Стояла на выбор отлично приготовленная рыба всех сортов: кефаль, луфари, скорпена, хамса, тюлька.

Камбала была особенно вкусна и доставляла небесное блаженство. Нежная, сочная, она таяла во рту, как мороженое. Моряки ели, показывая отличный аппетит и даже закрывая от удовольствия глаза, все хвалили кока. Командир показал ему большой палец, и тот засиял ярче солнца.

После вкусного обеда по закону Архимеда, полагается поспать! Сытые морячки пристроились в тени, где кому понравилось, и закемарили. На море был штиль.

Когда все ожили, капитан разрешил искупаться в море. Матросы в момент разделись и попрыгали за борт. Вода чистая, тёплая, доставляла истинное наслаждение. Все плавали в счастье и благодарили Всевышнего, что он всё так чудно создал и устроил этот удивительный мир.

Я вспомнил, как дома был неплохим ныряльщиком, на спор прыгал в воду с плотов и непременно доставал дно, всплывая на поверхность с ракушкой или камешком в руках, хотя глубина считалась приличной, и по реке ходили многоэтажные пассажирские пароходы.

Никому не говоря, я залез на самый верх корабля и, борясь со страхом, сиганул в воду на головку. Пусть морячки запомнят авиацию!

Почти израсходовав весь воздух, я открыл под водой глаза и испугался. Вместо голубой водицы была холодная, страшная чернота. Инстинкт самосохранения включил автомат спасения, и я, сам того не сознавая, развернулся и, нахлебавшись противной морской воды, еле выплыл на поверхность. Боцман пригрозил кулаком.

– Хоть ты и гость на корабле, а порядок один на всех! Надо спрашивать разрешение!

– Хотел достать дно! – сказал я в оправдание. Боцман выкатил глаза и, переварив ответ, крикнул.

– Акустики! Доложите глубину!

– 2 210 метров! – доложили акустики.

Тут выкатил глаза я.

Корабль прокричал пронзительной сиреной, моряки вернулись на борт и привели себя в порядок.

– Приступить к испытаниям плота! – отчеканил капитан. И в ту же минуту в воду попадали огромные тюки, раздуваясь на лету и превращаясь в большие резиновые лодки. Задание пустячное – ученые просят на практике определить, какой цвет спасательного плота СП-1 самый заметный в море.

В каждый плот сядет доброволец, корабль уйдёт за горизонт, и будет определять дальность опознания по цвету.

Меня посадили в плот оранжевого цвета. Когда корабль, подняв пену за кормой, ушёл вдаль, я осознал, что остался один во всей Вселенной, во всём Чёрном море. Корабль комариком торчал на горизонте. Пришлось изучать своё средство спасения. Плот был длиной метра три и шириной около двух. Яркий цвет, над головой надувная крыша. Сильно воняло резиной и тальком.

Внутри были всякие карманы. В одном торчала маленькая переносная рация. В другом сигнальные патроны «день-ночь». Дернешь за шнурок со стороны «день» и повалит густой чёрный дым, довольно много и очень долго. Дёрнешь за шнурок со стороны «ночь» и загорится огромный бенгальский огонь, который видно, наверное, на горизонте. В третьем кармане были железные кружки и большие таблетки размером с полтинник. На упаковке написано: «опреснитель морской воды» Черпанул в кружку солёную воду, бросил туда таблетку и пошла реакция. Вода забурлила, запузырилась, когда всё успокоилось, попробовал попить. Отвратительно! Невкусная, тёплая, противная водица, но жить захочешь – выпьешь до дна!

В следующем кармане лежали упаковки с рыбацкой снастью. Крючки с лесками и поплавками и инструкция к рыбной ловле. Все сделал, как написано, ни одной рыбки не поймал. В одном из карманов обнаружил «НЗ», неприкосновенный запас продуктов и аптечку.

На крыше был устроен водосборник пресной дождевой воды и электромаячок, работающий от водоналивной батарейки. Вдоль стенок были закреплены вёсла и плавучий якорь в виде парашюта. Делать было нечего.

Время идти не хотело. Солнце висело высоко, и как в зеркале отражалось от воды. Духота невозможная. Разделся, тело покраснело, сторели спина и плечи. Корабль не возвращался и, вообще, исчез за горизонтом. Жарко!

Глаза слепились от света, в голове плавилась мозги. На небе появились три солнца и палили несносно. Море загорелось ярким пламенем. Испытатель сидел на резиновой сковородке посреди пылающего моря.

Вспомнилось стихотворение Чуковского: «А лисички взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли...». Давно известно, что в Чёрном море живой слой воды всего лишь 50 метров, глубже из-за ядовитого сероводорода оно мёртвое и взрывоопасное. После шторма всегда пахнет тухлыми яйцами.

Опасный газ может подниматься из морских глубин, смешиваясь с воздухом, взрываться и гореть ярким пламенем. При полном штиле вода внезапно «закипает» и в течение долей секунды над ней поднимается огненная глыба, способная поглотить пятиэтажный дом... Другого такого моря в мире нет.

Стало трудно дышать. Испытатель лёг на дно плота и смирённо закрыл глаза. Мучила жажда, появилась вялость, ощущение усталости, головная боль, шум в ушах и боль во всем теле. Затем всё в голове закружилось и поплыло в море.

Он не слышал, когда подошёл корабль, как его и плот подняли на борт. Как сделали укол, накрыли мокрой простыней, обложили бутылками с холодной водой и потом меняли компрессы со льдом.

Он вернулся к жизни, когда корабль полным ходом летел к родным берегам. Пустячное задание было выполнено!

ГЕРОИ

Героями не рождаются, их делают обстоятельства.

Молодость живёт будущим, а старость прошлым. Сорок лет мне не даёт покоя эта история. Сорок лет возвращаюсь я в мыслях к своей молодости в суровой солдатской шинели и тайно горжусь, что я там был, что я их видел, здоровался за руку с великими людьми и под насмешки друзей долго не мыл руки, чтобы не смыть память героев. Герои – они всегда альтруисты. Сам погибай, а товарищей выручай! – Библейское наставление, которое любил повторять Суворов.

После учебки попал я служить в Крым, на Чёрное море, в город Феодосию. Приехали мы туда на сутки раньше, чем было написано в сопроводительных документах. Я старший группы, состоящей из десяти курсантов выпускников военного училища в Новоселицах, что под великим Новгородом. Все молодые, военные специалисты: чистые радисты, радисты – эстисты-телеграфисты и ЗАСовцы. (Засекреченная Аппаратура Связи).

Мы знали морзянку назубок и гордились этим конкретным языком романтики, путешествий, великих географических открытий, новостей в науке, и нераскрытых военных тайн. В Крыму, выйдя из вагона в объятья южного солнца, мы первым делом спросили

– Где море?

Нам показали рукой и объяснили:

– Обойдёте вагоны и вот оно, как раз напротив вокзала.

Нас как магнитом потянуло в мир невероятных приключений, морских сражений, необычайного подводного мира, туда, где пахло водорослями, и ухо отпускникам ласкал нежный прибой.

На берегу, старый рыбак не спеша, смолил свою перевернутую кверху дном лодку. Горел костерок, пахло битумом, всё было родное, знакомое. Мы сели на землю и долго любовались далёким морским горизонтом, высоким, безоблачным, крымским небом и ласковым майским солнцем. Ночевать решили на берегу, под перевернутыми лодками, а назавтра, как написано в документах, идти в часть.

Опомнились ближе к вечеру, очень хотелось есть. В складчину насобирали из всех карманов последние медяки. Шесть дешёвых пирожков на десять солдатских желудков только разъярили волчий

аппетит. А в части скоро ужин, будет чай с сахаром, хлеб с маслом и каша! – думал каждый. Когда желание желудка затмило всё остальное – решили сдаваться и идти в часть.

Местные объяснили, где стоит могучее здание штаба нашей воинской части, в котором во время войны размещалось фашистское гестапо.

Нас приняли, накормили, распределили. Новые знакомые сообщили, что здесь недалеко находится военный аэродром «Кировский». На одной полосе базируются несколько полков, дальняя авиация, истребители, бомбардировщики, транспортники, вертолёты, гидросамолёты Б-12 «Чайка» и наука.

После ужина почти всех увезли на аэродром, а меня и ещё нескольких отличников оставили служить в городе, при штабе, в королевской роте «белых мышей».

– На вас опыты будут ставить, – язвительно прошептал старослужащий, сбив с нас первую военную радость.

В роте было всего три взвода, через день на ремень, взвод охраны. Взвод шоферов и взвод связи, куда я и попал. В нашем взводе были радисты, телефонисты, засовцы, кинщики и свои шофера передвижных радиостанций. Комнаты в казарме назывались кубриками, и спало в них не 180 человек, как в учебке, а всего 20.

Воинская часть, куда мы попали, была не совсем обычная, на каждого солдата приходилось офицеров по 30, так что честь отдавать ниже майора считалось не обязательно, да и офицеры были необычные. Многие военную форму носить не умели и устава не знали. На разводе обращались к солдатам по древнему «Здравствуйте, товарищи красноармейцы!», потому что все они являлись засекреченными учёными, а часть имела второе название «НИИ», не научно – исследовательский, а научно – испытательный институт имени Валерия Чкалова».

Командиром роты у нас был татарин, капитан Заманетдинов. Командир взвода капитан Большаков, командир взвода связи капитан Крайнов по кличке «Мартин». Заместителем командира взвода старший лейтенант Дедов, за ними шёл старшина роты Титов, потом мичман Шитый и другие. Наукой заведовал майор Мизин, милейший

интеллигент. Начальником политотдела части был генерал Шульга, а командиром воинской части № 36851 был полковник Золин, но его сменил генерал Пресняков, герой советского союза! В военной шарашке учёные и испытатели работали по разным секретным темам

Служивые говорили, что жить здесь можно, часть находится в центре города, старшина иногда возит солдат на Чумку или на золотой пляж купаться море. По выходным, если нет дисциплинарных замечаний, отпускают в увольнение в город.

В месяц солдаты получали 3 рубля 80 копеек. Этого хватало, чтобы купить конверты, почтовые марки, кусочек белого материала на подворотнички, сапожный крем и частично на самые дешёвые сигареты. Поэтому старшина, у которого жена работала на табачной фабрике, часто водил нас туда на экскурсию. Возвращались мы пухленькие. Каждый солдат выглядел как Винни Пух. За пазухой лежали сигареты.

В Феодосии стояли все рода войск, лётчики, моряки, артиллеристы, танкисты, пограничники, стройбатовцы, ПВО.

Летом в морсаду всегда танцы и девчата там со всего союза. Зимой на танцы можно сходить на табачную фабрику, в дом культуры. Лётчики и моряки на танцах у девчат вне конкуренции, так что дембельнуться вполне можно с молодой женой, шутили старослужащие и показали мне моё место на втором этаже солдатской койки у окна.

Старики предупреждали, если придётся бывать на испытаниях, никаких самостоятельных действий. В самолёте ничего не трогать, а то, говорят, был случай, один солдат залез в самолёт и представил себя боевым лётчиком, стал щелкать выключателями и доигрался – сработала катапульта. На глазах у всех его выстрелило в воздух и через мгновение он шмякнулся об асфальт. Сделал подарок маме.

В первую же ночь в 4 утра в кубрике включили свет, и дежурный по роте капитан Крайнов с порога закричал:

– РОТА, ПОДЪЁМ! ТРЕВОГА!

И тут же, прошелестев в воздухе, и попав прямо в лицо орущему, шлёпнулся на землю у его ног солдатский кирзовый сапог.

Взбешённый офицер немедленно построил всех солдат в коридоре в одну шеренгу. Все были одеты по форме и все в сапогах. Винов-

ников ч/п найти не удалось. Сапог оказался ничейным.

Зато побегали все в ту ночь от души и до седьмого пота. Офицер сорвал с койки одеяло, четыре солдата должны были взять это одеяло за углы. По серединке положили ничейный сапог, и весь взвод ушёл по тревоге. 200 метров бегом, 100 пешком и снова 200 бегом, 100 пешком и так, пока все не оказались в лесу, далеко за городом.

На природе, по очереди сапёрными лопатками рыли могилу, как для человека. Схоронили туда сапог и назад. 200 бегом, 100 пешком. В часть вернулись все в мыле.

Дедовщина для нас длилась всего четверть года. Крутые старики демобилизовались сразу, их сменили поколение со слабым расколом, а своих буйствующих мы укротили сами. Так что те, кто пришли за нами следом, историю знали только из наших воспоминаний.

Я попал служить в радио класс. Помещение при штабе состояло из двух небольших комнат с зарешёченными окнами, сквозь которое мы всё-таки умудрялись пролезать. В комнате у окна стояла огромная, размером с шифоньер, мощная ультракоротковолновая радиостанция. Рядом проволочный магнитофон МН-61 и письменный стол с вахтенным журналом.

В обязанности радистов входило: нести в радио классе боевое дежурство, прослушивать эфир на специальной частоте. С нас взяли подписку о неразглашении военной тайны и оформили допуск в секретный отдел. Секретно было всё, письма, карты, телефонные номера, номер нашей воинской части, наши фамилии и даже наши домашние адреса, не говоря уже о том, чем занимались учёные.

Через дежурного по части мы под роспись получали в секретном отделе специальные кварцы. Если были полёты или испытания, надо было записывать на магнитофон переговоры пилотов, находящихся в воздухе самолётов.

Иногда радистов вызывали наверх и приказывали назавтра к 4 утра быть готовым к выходу на задание с переносной радиостанцией Р-105. С этой радиостанцией я побывал на разных испытаниях на полигоне Чауда, ходил на мыс Меганом, плавал на подводных лодках, был на научно – исследовательском судне «Саша Чекалин», на морском буксире, на минном тральщике, на скоростных опытных

катерах с пятью авиационными, газотурбинными двигателями, летал на самолётах, на вертолётах Ми-4 и даже в бинокль видел Турцию.

Радисты – военная интеллигенция. В море, когда мы работали по теме, я, стоя на мостике огромного военного корабля, тайно гордился своей ролью. Это ведь я первый получал по радио команды, сообщал о них капитану, он делал распоряжения, весь экипаж исполнял приказания и в зависимости от моих слов военный корабль менял курс, скорость или становился на якорь.

Я был такой незаметный исполнитель главной роли. Я ведь мог и по-другому что-то сказать и всё пошло бы по-другому, с гордостью думал я, стоя на капитанском мостике грозного военного корабля, рядом с прославленными командирами-фронтовиками. Несмотря на тошноту от морской качки, я внимательно вслушивался в радиоэфирный треск в наушниках, чтобы не пропустить очередную важную команду. Служба была трудная, но интересная, для настоящих мужчин.

Через месяц, после того как американцы впервые высадись на Луне, к нам в часть прилетел космонавт № 4 Павел Романович Попович. С ним приехала группа будущих космонавтов. Меня сразу приставили к нему личным радистом. Сотовых телефонов тогда ещё не было, и я обеспечивал связь. Свита космонавта состояла из двух солдат, шофёра старого ГАЗ 69 и меня, радиста. Вокруг космонавта всегда крутилось много знаменитых людей, в том числе и будущие космонавты, у которых мы заранее запрашивали автографы. Фотоаппараты были запрещены, единственную фотографию с космонавтом он прислал нам сам из самого звёздного городка.

В тот день испытания катапульты меня отвезли в крымскую степь на мыс Чауда и оставили возле небольшого одинокого сарайчика, сделанного из самана, вероятно, для укрытия от непогоды овец. Потом ко мне подвезли гражданского с какой-то непонятной аппаратурой. Каждый настроил свою материальную часть, и приготовил ушки на макушки. Вокруг степь, круговой горизонт как в море, и небо над головой чистое и высокое-высокое. Тишина такая, что и даже время, казалось, застопорило свой ход. В эфире переговаривались невидимые пилоты пролетающих где-то самолётов. По специ-

альному заданию я записывал то, что полагалось, и делал отметки в специальном журнале с пронумерованными и прошнурованными страницами и опечатанном фанерным брелком с пластилиновой печатью.

В сохранившемся задании с планом расположения радиостанций на полигоне Чауда записано: что мой позывной «Шаткость 2». По прибытии на место развернуть радиостанцию, проверить работу приёмника Р-313М от радиостанции Р-855УМ и установить связь с «Шаткостью» на третьем канале.

После установления связи Р-809 находится на приёме. Приёмник Р-313 выключить.

По команде с 861-го «Удаление 20» включить приёмник Р-313 и приготовиться к записи на магнитофон МН-61.

По команде 861-го «Удаление 10» включить магнитофон и производить запись.

Радиостанции Р-809 по команде «Удаление 10» перейти на 259 кварц, прослушивать и записывать репортажи. При отсутствии приёма репортажа через 20 минут Р-809 перейти на третий канал и связаться с «Шаткостью». Задание составил ведущий инженер Ремизов.

Гражданский, оказался молодым учёным из Ленинграда. Он рассказал, что работает над секретным военным проектом.

– Гордись! – сказал он – Ты присутствуешь на секретных испытаниях первого в мире катапультирования человека с самолёта, летящего на сверхзвуковой скорости. Сейчас к нам с неба должен спуститься на парашюте герой, лётчик-испытатель, друг Гагарина.

Он многое знал и интересно рассказывал. Оказывается, первые ракеты, реактивные самолёты и первые катапульты к ним появились в Германии ещё до войны, а сегодня с катапультной знакомы все военные лётчики и даже космонавты.

Мы долго ждали, но ничего не происходило. Когда ждать стало невозможно приехал наш «козлик» и забрал нас вместе с нашей аппаратурой.

Шофёр сказал, что испытание прошло плохо. Испытатель погиб.

Потом в штабе начальство смотрело секретное кино, снятое с ря-

дом летящего самолёта, нам, конечно, ничего не сказали, но Харченко, солдат-киномеханик прошептался.

Мы узнали, что с аэродрома «Кировский» взлетели два двухместных истребителя СУ-7. В одном сидел испытатель катапульты, другой с кинооператором летел рядом и снимал всё на плёнку. Сложность состояла в том, что кресло катапульты надо было выстрелить так быстро, чтобы его не нагнало хвостовое оперение самолёта и не разрубило надвое. Тогда погибнет испытатель и упадёт разбитый самолёт. А чересчур сильный заряд под катапультной может разбить позвоночник испытателя и погубить человека. В момент выстрела катапульты на пилота действуют гигантские нагрузки, ноги может просто переломать набегающим воздушным потоком.

Даже при нормальном катапультировании лётчик может за всю жизнь воспользоваться этим средством спасения только два раза, потом его списывают по состоянию здоровья, как инвалида с вечными болями в спине. А при катапультировании со сверхзвуковой скорости костная человеческая арматура просто не выдерживает таких перегрузок.

Смерть испытателя наступила со сверхзвуковой скоростью. Рассказывали, что тело с пробитым черепом и переломанном позвоночником на неуправляемом парашюте молча спустилось на землю, то есть окунулось в воду феодосийской бухты.

Потом мы попали на похороны в качестве почётного караула. У гроба, стоящего в кинозале на втором этаже нашей части, застыли солдаты с карабинами в парадной форме. Второй почётный караул был офицерский. Затем мы на улице стреляли в воздух из карабинов, отдавая герою последний прощальный воинский салют.

Через несколько дней в центральной газете, то ли «Красная звезда» то ли «Комсомольская правда», появилась статья на весь разворот. В ней говорилось о том, что при исполнении служебных обязанностей погиб парашютист, мастер спорта, совершивший более 1000 прыжков. И ни слова о самих испытаниях. Ни слова об истинных причинах гибели.

Через какое-то время катапультирование повторили, испытатель остался живой и получил звание Героя Советского Союза.

Потом было много всяких событий и испытаний. Я видел чудеса героизма многих альтруистов. Мы часто ходили в море, отрабатывали разные темы, сами не раз были на грани смерти. Но в мозгу зарубцевалась память о том засекреченном погибшем парне. Давно забылось его имя, но подвиг остался и его забыть было невозможно. Погибшего звали то ли Баранович, то ли Богданович, но что-то от Беларуси, от имени отца и от русской сказки. Больше о нём ничего не было слышно. Сорок лет тишины.

Навязчивая мысль найти подробности о нём возвращалась ко мне постоянно. Я долго искал его и, наконец, нашёл, через 40 лет! «ПОЛЁТ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ» так называлась статья, напечатанная в газете «Советская Белоруссия», посвящённая юбилейной дате его гибели. Всё стало на свои места.

Я узнал подробности его биографии. Героя звали Данилович Валентин Иванович. Подвиг повторил Хомутов Олег Константинович.

ПОЛЁТ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

«20 мая 1970 года при испытании опытной катапультной установки К-36 погиб верный сын белорусского народа парашютист-испытатель лейтенант Валентин Иванович Данилович, уроженец местечка Колодищи Минской области...

За большой вклад в создание и испытания новых образцов парашютно-десантной техники, проявленные при этом высокое профессиональное мастерство, мужество и героизм ходатайствую о присвоении Валентину Ивановичу Даниловичу звания Героя Республики Беларусь (посмертно)».

Из письма командующего воздушно-десантными войсками Российской Федерации генерал-полковника Георгия Шпака Президенту Республики Беларусь Александру Лукашенко:

«15.02.1936 года в поселке у железнодорожной станции Колодищи, что под Минском, в семье Даниловичей – офицера-артиллериста Ивана Иосифовича и домохозяйки Марии Даниловны – родился сын

Валентин. Обычный белорусский паренек, таких в Колодищах подрастало немало. Но пройдет пара десятков лет, и Валентин станет шестикратным рекордсменом мира по парашютному спорту, выдающимся испытателем парашютов и катапультных кресел боевых самолетов. Станет человеком, именем которого сочла бы за честь гордиться любая держава мира. Представитель опаснейшей и редчайшей профессии (испытателей катапульт во всем мире всего несколько десятков), умевший то, на что решаются только самые отчаянные из избранных, – выстрелить собой в неизведанное, выстрелить ради жизни других... Прожив всего 34 года, 20 мая 1970 года на завершающем этапе испытаний катапультного кресла К-36Д мастер спорта СССР старший инженер-лейтенант Валентин Иванович Данилович погиб.

Сегодня это кресло К-36 установлено на всех – без исключения! – боевых самолетах ВВС России и стран СНГ – на Су, МиГах, Ту... Американские специалисты всерьез рассматривают вариант его установки и на свои новейшие самолеты 5-го поколения – JSF и F-22 «Рептор».

И белорусские военные пилоты, занимая место в кабинах своих боевых машин, тоже садятся в катапультное кресло К-36 – последнюю надежду в самой губительной ситуации. Садятся, увы, не зная, что за их безопасность сложил свою голову славный сын белорусского народа Валентин Данилович. Жизнью за жизнь заплатив...

Спасенных в авиационных авариях и вернувшихся в строй пилотов уже более 600! Только в белорусском небе на К-36 переиграли смерть пятеро военных летчиков: 7 февраля 1989 года с высоты 1.400 м покинул неуправляемый МиГ-29 командир 968-го Севастопольского Краснознаменного, ордена Суворова истребительного авиаполка полковник Сергей Дроздов (аэродром Россь); 16 мая 1989 года во время аварийной посадки с нулевой (!) высоты, то есть с земли, катапультировался из МиГ-29 летчик 927-го Кенигсбергского Краснознаменного истребительного авиаполка старший лейтенант Андрей Немков (аэродром Осовцы); 8 сентября 1989 года на высоте 200 метров оставил Су-25 летчик 397-го отдельного штурмового авиаполка лейтенант Анатолий Юдин (аэродром Кобрин); 17 октября 1990 года

на высоте 50 метров покинул Су-25 командир звена 397-го отдельного штурмового авиаполка капитан Анатолий Пышный; 25 марта 1991 года на высоте 100 м катапультировался из Су-25 старший летчик 206-го отдельного штурмового авиаполка (аэродром Засимовичи) капитан Сергей Родин.

И не их вина, а наша общая беда, что имя Валентина Даниловича сегодня, увы, забыто. Но оно должно вернуться к нам из этого постыдного забвения. Хотя бы в год 65-летия со дня рождения героя-испытателя...»

Очарованный небом

Начало биографии Валентина было обычным для тех тяжелых лет. Немецкую оккупацию пережил вместе с матерью в деревне Дубовый Лог, что на Червенщине. Здесь же в 1944 году пошел в 1-й класс. Затем учился по месту службы отца-артиллериста в Осиповичах и Лапичах. Заканчивал школу на далеком Сахалине – в местечке Тымовское у города Александровска.

Учился в школе Валентин отлично, проявляя удивительные способности к точным наукам, особенно к математике. Был бессменным чемпионом школы по шахматам и увлекался, как и многие тогдашние мальчишки, авиацией. Строил модели, запускал планеры. После школы долгих раздумий о будущем не было – в 1954 году поехал в легендарный Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе. С ходу поступил, блестяще сдав вступительные экзамены. Обучаясь в институте, начал заниматься парашютным спортом. Первые успехи пришли очень быстро. Уже 11 июля 1956 года он установил первый в своей жизни мировой рекорд в прыжках с парашютом на точность приземления. В будущем будет еще 5. Валентину Даниловичу присваивается звание «Мастер парашютного спорта СССР».

Без Даниловича не обходится ни один воздушный праздник, ему рукоплещут в Тушино и Домодедово...В это же время проявляется и еще одна грань таланта этого одаренного человека. Валентин начинает заниматься фотографией и за короткое время становится извест-

ным фотохудожником. Его фотоработы не сходят с обложек журналов «Огонек», «Наука и жизнь», «Крылья Родины», «Смена»... «Огонек» упорно зовет на работу к себе, в фотокорреспонденты! Валентин – участник многих всесоюзных фотовыставок.

Но его все же тянет небо... Валентин стал и одним из пионеров воздушной съемки: с закрепленным на защитном шлеме-каске фотоаппаратом прыгает в бездну и делает потрясающие для того времени фотоснимки. В июне 1960 года оператор Валерий Гинзбург приглашает студента МАИ для участия в съемках фильма о воинах-десантниках «Прыжок на заре»: кроме Даниловича, выполнить воздушные съемки было некому. Прыгать с тяжелой кинокамерой «Конвас-автомат», установленной на голове парашютиста, да еще с аккумулятором, притороченным к запасному парашюту, желающих не нашлось. Данилович прыгнул 24 (!) раза... Фильм имел ошеломляющий успех!

После окончания в феврале 1961 года МАИ по специальности «специальные электромеханические установки» и получения квалификации «инженер-электромеханик» Валентин Данилович попадает в свой первый расположенный в подмосковном Щелково «почтовый ящик» – 3910 (так тогда назывались предприятия, связанные с военно-промышленным комплексом). Сегодня это известное на весь мир учреждение – НИИ парашютостроения.

Здесь Валентин впервые увидел и не афишируемую сторону жизни испытателей – смертельную опасность их работы. Длинный, постоянно пополняющийся список погибших парашютистов-испытателей. Но Валентина это не испугало – он рвался в небо, на испытания.

В августе 1963 года Данилович переходит на работу в другой «почтовый ящик» – п/я 12 (Летно-испытательный институт им. М.Громова). Здесь его ждала должность старшего инженера парашютиста-испытателя и весь набор чрезвычайно опасных и далеко не всегда гарантирующих жизнь экспериментов.

31 августа 1963 года – дебют: прыжок с парашютом С-3 с самолета Ил-12. Без замечаний. Прыгнул с парашютом Т-2 – нормально. 18 сентября – первый испытательный прыжок со спасательным па-

рашютом С-3 в защитном шлеме летчика ЗШ-2 с вертолета Ми-4. Высота покидания – 2.200 метров, задержка раскрытия – 30 секунд... На земле его ждали теплая встреча, крепкие рукопожатия бывалых испытателей: наш парень, будем работать!

Но главное испытание, которое тревожило и не давало покоя, было еще впереди: реальное катапультирование! Летчик решается на него, если вообще решается, только в одном случае – когда в кабину гибнущего самолета заглянет лицо смерти. Безопасность пилота достигается, увы, через опасность – испытатель катапульты выстреливает собой ради гарантии спасения того, кто будет сидеть в самолете. Страшно? Да, страшно. Даже самый мужественный человек никогда не привыкнет к страху, он просто привыкает жить с ним.

Первое катапультирование

26 сентября 1963 года, аэродром ЛИИ им. Громова в Жуковском, катапультное кресло ОКБ Яковлева К-5. Жутковатое кресло. С металлическим «забралом» – складной шторкой, размещенной в заголовнике кресла и призванной защитить лицо от встречного воздушного потока. Был риск отказа уборки «забрала» перед отделением испытателя от кресла и тогда... Но теперь вся его работа – смертельный риск.

Катапультирование было спланировано над полигоном в Белоомуте. Ничего себе название! Как бы не захлебнуться в нем. Одно успокаивало – катапультироваться ему предстояло из самолета Як-25ЛЛ, который вызвался пилотировать считавшийся в испытательных кругах легким на руку летчик-ас дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан.

На лице легендарного Аметхи – заботливая успокаивающая улыбка: не дрейфь, парень, вернемся! Взлетают. Следом стартует Як-25 – киносьемщик летчика-испытателя Олега Гудкова. Высота – 3.000 метров, приборная скорость – 550 километров в час. Белоомут. Пора! На табло в обшитой железом кабине испытателя Даниловича вспыхивает: «Приготовиться». Валентин откликается нажатием кнопки: «Готов». – «Пошел!» Данилович рвет ручку катапультирова-

ния, взрыв пиропатронов, кресло по салазкам-направляющим вылетает с ним из кабины и... ударяется в «бетон» встречного потока воздуха. Вокруг небо, над головой парашют... Оба Яка, заложив крутой вираж, проносятся в стороне, приветственно покачивая крыльями.

Как ни горько это осознавать, но пройдет совсем немного времени, и никого из «крестных отцов» испытателя Даниловича не останется в живых. Не вернется из очередного испытательного полета Амет-Хан, МиГ-25 заберет жизнь у шеф-пилота ЛИИ им. Громова заслуженного летчика-испытателя СССР Героя Советского Союза Олега Гудкова. Такова она – доля испытателя...

1 октября 1963 года факт рождения испытателя катапультных кресел Даниловича был зафиксирован официально – подписанием соответствующего акта с выводом: «...считать возможным допустить к проведению экспериментальных катапультирований на опытных катапультных установках» и выдачей свидетельства экспериментатора Госкомитета по авиационной технике СССР. Под актом стоит подпись и начальника экспериментальной лаборатории N 24 ЛИИ им. Громова Гая Ильича Северина. Здесь впервые пересеклись жизненные пути Валентина и выдающегося конструктора катапультных кресел Северина. В лаборатории N 24 начал он делать свои первые шаги, поднимаясь по лесенке тревожных и жестоких высот испытателя.

Профессия испытателя катапульт требовала самопожертвования, и Валентин это прекрасно понимал. Манекеном человека здесь не заменишь. Все надо было испытать на себе. Когда немецкий исследователь доктор Рашер в годы войны работал над первым в мире катапультным креслом, то для испытаний использовал узников концлагерей. Ни один немецкий летчик прыгать на экспериментальном кресле не согласился...

У летчика дублей не будет

Кроме испытаний катапульт, он продолжал участвовать и в испытаниях парашютов. Пригодился опыт воздушной съемки – Валентин выполняет специальную фото- и киносъемку испытаний. Задания

самые разные: замер высоты наполнения купола парашюта С-3, испытание морского спасательного костюма летчика МСК-3 с парашютом С-3-3...Парашюты раскрывались далеко не всегда – приземлялся на запасном...

Он прыгал днем и ночью, на лес и на воду. Если прыжок удавался – в небе часто звучала белорусская песня. Так Валентин отмечал очередной успех.

С Валентином было легко работать инженерам и конструкторам. Он, обладая острым с математическим складом умом и отличной инженерной подготовкой, сам оформлял многие технические документы, делал расчеты и выводы, давал дельные советы и высказывал замечания.

Обычно замечаний было много. Никаких компромиссов и послаблений он не признавал. Любителям рапортомании, медалей, премий и «подарков» к юбилейным датам и съездам это очень не нравилось. Тщеславным угодникам, заседавшим в управленческих кабинетах, у него был один ответ: «У летчика дублей не будет». Скольким пилотам эта принципиальная неуступчивость Даниловича спасла жизнь – никто не считал. В памяти товарищей Валентина сохранилось, что однажды дотошные журналисты прямо-таки достали его одним вопросом: «Что для испытателя наиболее трудно – покинуть самолет, падать или приземляться?» – «В небе все тяжело, – ответил он, – но еще более тяжело на земле, когда даешь оценку парашюту, а сам случайно прозевал какойнибудь дефект... Твоя оценка – приговор не парашюту, нет, – приговор летчику, который в аварийной ситуации воспользуется им».

Я пойду в лунную группу...

Начало 60-х. Занималась космическая эра. Все бредили космическими полетами. Космос – особая строка в биографии Валентина Даниловича. 12 июня 1964 года старший инженер парашютист-испытатель ЛИИ им. М.Громова Валентин Данилович пишет заявлении командующему ВВС главному маршалу авиации К.Вершинину: «Прошу включить меня в группу кандидатов в космонавты для поле-

та в космос в качестве инженера и фотокинооператора». К тому времени он уже был знаком и дружен со многими космонавтами – настоящими и будущими. Звездного городка – Центра подготовки космонавтов тогда еще не было, и тренировались космонавты на той же базе, что и парашютисты-испытатели. Прыгали с парашютом на полигоне НИИ парашютостроения в Киржаче, занимались на тренажерах, центрифуге и наземных вертикальных катапультах в ОКБ-918 в Томилино (ныне НПП «Звезда»). Даниловича хорошо знал и уважал Юрий Гагарин. Но особая дружба связывала его с космонавтом Владимиром Комаровым.

Состоялось знакомство и с тогда еще секретным, но уже легендарным «СП» – Сергеем Павловичем Королевым.

12 октября 1964 года стартовал «Восход» с Комаровым, Феоктистовым и Егоровым на борту. Началась и первая работа Валентина, связанная с космосом. На самом «верху» в середине 1964 года было принято решение, соответствующее духу того времени: во что бы то ни стало опередить американцев и обеспечить первый выход советского космонавта в открытый космос. Любой ценой! Невероятно, но факт – сложнейшую задачу решили всего за 9 месяцев! 18 марта 1965 года из корабля «Восход-2» вышел космонавт А.Леонов и «отплавал» в открытом космосе 12 минут 9 секунд. Но сколько нервов и здоровья было потрачено из-за этих минут и секунд на земле! Сколько пота пролито конструкторами, инженерами, испытателями...

Для решения сложнейшей задачи необходимо было испытать специальный скафандр и шлюзовую камеру, которые в кратчайшие сроки были сконструированы и изготовлены под руководством Гая Северина. Испытывать и отрабатывать систему шлюзования и выхода в космос пришлось Валентину. Для создания невесомости использовали специзделие «Ю» – самолет-лабораторию Ту-104А ЛЛ, внутри которого установили макет космического корабля «Восход-2» со шлюзовой камерой. Летчик разгонял самолет до максимальной скорости, брал штурвал «на себя» и сразу же «от себя»: Ту-104 делал «длинную горку» – летел по параболе Кеплера. На вершине параболы на 30 секунд создавалась невесомость – испытатель повисал в воздухе. Затем – снова горизонтальный полет, и испытатель падал на

усланный матами пол. Таких «горок» – падений обычно было пять за полет. Это значило всего 2,5 минуты невесомости. Уже после третьей «длинной горки» на человека наваливалась свинцовая усталость, пот лил ручьем, а к горлу предательски подкатывала тошнота...

С чьей-то легкой руки Ту-104 ЛЛ называли «бассейном невесомости». Десятки раз поднимался Валентин на «горку», плавал в этом «бассейне», отрабатывая выход из шахты-шлюза...

Пилотировали Ту-104 ЛЛ известные летчики Герои Советского Союза Александр Стариков, Валентин Васин и Сергей Анохин. В 1964 году Сергей Павлович Королев пригласил к себе Анохина и предложил сформировать отряд космонавтов-исследователей в летно-испытательном отделе ОКБ-1. В обстановке строжайшей тайны шла подготовка к полету человека на Луну. Не афишировалась и другая сторона советского космоса – военная. Очень ограниченный круг людей знал, что орбитальные станции «Салют» были сугубо военного назначения и имели секретное наименование «Алмаз»; конструировались они в совершенно секретном ОКБ-52 Владимира Челомея в подмосковном Реутове. Летали на «Алмазах» только космонавты из военнослужащих. В этом и кроется причина того, что в апреле 1965 года Валентин Данилович уволился из ЛИИ им. Громова и поступил на военную службу в в/ч 52526 – Государственный Краснознаменный научно-исследовательский институт ВВС им. В.Чкалова.

Приехав в очередной отпуск в Минск, он поделился своей тайной с братом Николаем: «Я скоро пойду в специальную лунную группу».

Но не суждено было сбыться мечте Валентина. В 1966 году умер С.П.Королев. 24 апреля 1967 года в результате отказа тормозной парашютной системы погиб В.Комаров. Упорно не хотели летать и взрывались при испытаниях разрабатываемые с 1962 года “лунные” ракеты-носители Н-1... Окончательную точку 20 июля 1969 года поставил экипаж американского «Аполлона-11», совершивший посадку на Луне. Смерть Главного конструктора, гибель лучшего друга Валентина – космонавта В. М. Комарова, аварии ракеты-носителя Н-1 перечеркнули мечты о полётах в космос. Лунный отряд расформировали, и все силы были брошены на программу, связанную с «Лунохо-

дом». Валентин Данилович продолжил работу в стенах ГКНИИ ВВС.

Чернорабочие риска

Главная работа у Валентина осталась прежней – испытание парашютов и катапультных кресел. 31 декабря 1965 года ему присвоили квалификацию «инструктор парашютно-десантной подготовки»... Это все, что заслужит он за 5 лет смертельного риска в армии. Здесь он совершил 503 прыжка, большинство из которых были испытательные и экспериментальные. Он не единожды катапультировался в воздухе и на наземной большой вертикальной катапульте с перегрузками 12 – 20 единиц, каждый вылет мог стать последним. И вот за все это – три юбилейные медали... Была у него тесная однокомнатная квартирка в трехэтажной «хрущобе», где ютились они вчетвером. Получил ее еще в НИИ парашютостроения.

19 мая 1969 года Данилович впервые катапультируется на новом опытном кресле Гая Северина К-36. От промышленности весь цикл испытаний в ЛИИ им. Громова провел давнишний друг Валентина еще по МАИ Олег Хомутов. Но последнее слово перед принятием К-36 на вооружение было все же за ним, военным испытателем. Дублером у Валентина был его наставник и командир Герой Советского Союза подполковник Евгений Андреев. Но дублер не понадобился – Валентин пошел на катапультирование сам.

Это был 928-й, едва не ставший для него последним, прыжок. Высота – 7.000 метров, скорость – 700 километров в час. Над Су-9У появляется дымок, от него отделяется маленькая черная точка. Валентин катапультировался! Но что это? Кресло, стремительно вращаясь, несется к земле. Стабилизации нет! Валентина все больше и больше затягивает в жуткий штопор. Мелькает что-то белое. Да это же выбивается купол запасного парашюта! Если он полностью выйдет при таком вращении – все, конец! Валентин изо всех сил одной рукой удерживает купол, а другой пытается хоть как-то стабилизировать падение. Контрольное время для стабилизации – 40-45 секунд. Если за это время вращение не прекратится и кресло автоматически не отойдет – придется отделяться в аварийном режиме.

Быстро тает высота. На земле страшное волнение – контрольное время на исходе! И только на 45-й секунде кресло «отстреливается» и отпускает испытателя из своих жестких смертельных объятий. Над Валентином вспухает спасательный бутон парашюта...

Вывод Даниловича по К-36 был для конструкторов и инженеров обескураживающе жесток: кресло не пригодно для эксплуатации на высотных и скоростных самолетах, так как не обеспечивает спасение летчика. Попытки уговорить его на повторный эксперимент не проходят. Валентин непреклонен: кресло – на доработку и устранение дефектов. Что скрывать – тогда это вызвало у многих обиду и раздражение. Только позже пришло понимание, скольким летчикам спасла жизнь неуступчивость Валентина. Целый год велись доработки и испытания кресла К-36 на заводе «Звезда». Едва выдавалась свободная минута – спешил на завод и Валентин. Его советы и предложения не были лишними. Год для такого выдающегося конструктора, как Гай Ильич Северин, – огромный срок, и он не прошел даром: родилось, как покажет будущее, лучшее в мире катапультное кресло К-36Д с дефлектором и телескопическими штангами со стабилизирующими парашютами.

Катапультирование манекенов на разных высотах и скоростях показало, что кресло работает безотказно.

Белорусский вокзал

Первым испытать К-36Д в стратосфере на сверхзвуковой скорости поручили Валентину. Никто не сомневался в успехе, хотя прыжок предстоял сложный. В начале мая 1970 года вместе с дублером подполковником Евгением Андреевым старший инженер-лейтенант Валентин Данилович вылетел в Крым на испытательный полигон «Чауда», что у Феодосии.

Накануне катапультирования Валентин позвонил в Минск: брат защищал диплом в радиотехническом институте. Пообещал на обратном пути из Феодосии обязательно заехать... Но на следующий день принесут телеграмму с горестной вестью...

20 мая 1970 года, среда. Утро на полигоне «Чауда» в тот день бы-

ло по-весеннему солнечным, добрым. Медосмотр, надевание спецпояса с датчиками для записи состояния испытателя в воздухе: пульс, давление, частота дыхания, температура тела... Не спеша облачают испытателя в космический скафандр «Сокол». Авиационных скафандров тогда еще не было, а условия катапультирования – очень рискованные. Вот и решили использовать «Сокол».

Красивый, сыплющий направо и налево шутками, в светло-сером мягком скафандре с чечевицеобразным откидывающимся назад забралом шлема – таким он и остался в памяти участников тех испытаний. На автобусе его подвезли к креслу К-36Д, которое стояло на специальных «козлах» у самолета-лаборатории Су-7 ЛЛ.

Обстановка нервная. Спокоен, кажется, только Данилович. Сидя на этой «пороховой бочке», которая еще неизвестно что выкинет в воздухе, он продолжает улыбаться и шутить. Последним к нему подходит Евгений Андреев. Еще одна проверка, слова напутствия – и чечевица забрала закрывает спокойное лицо Валентина. Начинается десатурация – испытатель полчаса дышит чистым кислородом. Мера вынужденная – надо вытеснить из организма азот, чтобы он не начал пузыриться в организме на высоте и не привел к кессонной болезни.

Кресло цепляют на крюк и, подняв краном, устанавливают во вторую кабину самолета. Она без фонаря, но с защитным железным козырьком спереди.

Один за другим в небо взлетают два самолета. Первый – с испытателем, второй – киносьемщик. Вот и плановый режим: скорость – 1,29 М, сверхзвуковая; высота – 11.240 метров, стратосфера. Пора. Валентин дергает за ручки катапультирования. Взрыв пирозаряда, перегрузка в 20 единиц привычно «бьет» по позвоночнику... Мгновенно срабатывают притяги ног и рук, выходит дефлектор, кресло молниеносно идет вверх...

На вертолете Ми-4, который летит рядом и из которого вместе со специалистами за катапультированием наблюдает главный конструктор Гай Северин, радостное возбуждение. Наконец-то удача!

Но что это? Парашютист снижается не на полигон, а в воду залива. Эх, досадная ошибка летчика, уклонившегося от курса! Но Валентин – отличный пловец, аквалангист. Выдюжит.

Все прильнули к окнам-иллюминаторам вертолета. Видят: Данилович сгруппировался, приготовился к приводнению. Вода. Гаснет купол парашюта.

Но что-то случилось... Активные поначалу движения Валентина в воде постепенно затихают, и виден только опутанный стропами серый скафандр.

Только через пять минут к месту приводнения подошел катер, с которого спустили спасательную лодку ЛАС-5М с матросом и врачом. Валентин был уже без признаков жизни. Не теряя времени на подъем на борт лодки, испытателя с помощью фала отбуксировали к катеру. Подняли на борт и полным ходом пошли в порт.

Вывод врачей был краток и страшен: смерть наступила от утопления...

24 мая 1970 года Ан-12 доставил тело Валентина Ивановича Даниловича на Чкаловский аэродром в цинковом гробу. Последнюю ночь на земле он провел в своей однокомнатной квартирке. Гроб не по уставу несли полковники. В траурной процессии генералы – штатские и военные... Море цветов и венки, венки, венки...

А вновь испытывать кресло пошел испытатель ЛИИ им. Громова Олег Хомутов. На том же режиме, что и Валентин. Приземлился нормально и вскоре получил за это Звезду Героя Советского Союза.

Так была поставлена точка в этой истории. И заглавная буква в многолетней и славной биографии лучшего катапультного кресла в мире – К-36Д.

А что до Валентина Даниловича, то нашлись тогда добрые люди – в Москве, в школе, что рядом с его домом, сделали скромный музей. Была там и пионерская дружина его имени. На здании школы висела мемориальная доска: «Здесь учится дружина имени парашютиста-испытателя В.И.Даниловича».

Но нет сегодня уже ни того музея, ни мемориальной доски, ни пионеров... Ничего нет. Все забыто.

В августе 1992 года на «Мосаэрошоу-92» о Валентине Даниловиче вспомнили. Во время показательного катапультирования манекена на кресле К-36ДМ на землю рухнул Су-7 ЛЛ. Тот самый, из которого последний раз катапультировался Валентин. Самолет пережил его на

22 года...

Крайне обидно то, что Валентина забыли на его родине – в Беларуси. Более того, если в вышедшем в 1971 году четвертом томе «Белорусской Советской Энциклопедии» нашлось место хотя бы для маленькой заметки о Валентине, то уже в нынешней, изданной в «незалежных умовах», места для Даниловича, увы, не нашлось.

До сих пор так, как следовало бы, не отмечен и героический труд Валентина. Он достоин самой высокой, геройской, награды. Об этом в один голос говорят все – парашютисты, испытатели, конструкторы, инженеры, соратники Валентина по работе в НИИ парашютостроения, ЛИИ им. Громова, НИИ ВВС им. Чкалова, НПП «Звезда». Идут годы, меняются поколения, но каждый год 20 мая и ветераны, и их нынешняя смена собираются на кладбище у могилы Валентина. Не по принуждению, а по зову сердца приходят они сюда. 20 мая 2000 года, в день 30-летия со дня гибели Валентина Даниловича, я тоже был среди них. День выдался солнечный, теплый, тихий. Подумалось: наверное, такой же был и тогда – 20 мая 1970 года...

Могилу Валентина в Москве на Введенском кладбище я искал, прокручивая в памяти кинокадры из любимого мною кинофильма «Белорусский вокзал». Начало фильма – пронзительное и трогательное – это документальные кадры, а укрытая венками пирамидка со звездочкой – это могила Валентина Даниловича. Снято 29 мая 1970 года, на девятый день со дня гибели... На Введенское тогда приехал со съемочной группой сын писателя – автора «Брестской крепости» Сергея Сергеевича Смирнова режиссер Андрей Смирнов, работавший над «Белорусским вокзалом». По сценарию – похороны офицера-десантника. А здесь могила и столько офицеров в фуражках с голубым околышем, с посеревшими от горя лицами... Вспоминают, что потрясенные рассказом о Валентине и его трагической гибели артисты Леонов и Папанов не смогли сдержать слез. Решение приходит мгновенно. Главного героя в память о Даниловиче переименовывают в Валентина и снимают эпизод похорон здесь, у могилы испытателя. На тех кинокадрах мама и папа Валентина, его сослуживцы... Будете смотреть этот прекрасный фильм, вспомните и о нем...

Автор Николай КАЧУК
Газета Советская Белоруссия, 19.05.2001
<http://pda.sb.by/post/4776/>

БЛИЖЕ К ПРАВДЕ

20 мая 1970 года **Валентин Иванович Данилович** в последний раз проводил испытание катапультного кресла К-36. “Мероприятие” проходило на полигоне “Чауда”, под Феодосией. Валентин катапультировался с самолета-лаборатории Су-7 Л.

Но... по воспоминаниям Героя Советского Союза, прыгавшего из стратосферы парашютиста-испытателя Евгения Андреева, наблюдавшего процесс прыжка в теодолит, и ставшего свидетелем трагедии, Данилович, прыгавший в скафандре «Сокол», при прыжке из самолёта сильно задел изголовьем катапультного кресла самолёт. Андреев заметил, что Данилович спускается как-то неестественно, о чём доложил начальству... Валентин Данилович упал в залив... Через пять минут к месту приводнения подошел катер, с которого спустили спасательную лодку ЛАС-5М с матросом и врачом. Валентин был без признаков жизни... Не теряя времени на подъем спасательной лодки на борт катера, испытателя с помощью фала отбуксировали к катеру. Подняли на борт и полным ходом пошли в порт. «Официальный» вывод врачей был таков: «смерть наступила от утопления...»

На самом же деле, при «прыжке» произошёл перелом свода основания черепа парашютиста, и Валентин Иванович спускался на землю уже практически бездыханным... Похоронен Валентин Иванович Данилович в Москве, на Введенском кладбище (уч. № 5).

Хомутов Олег Константинович

Родился 25 октября 1934 года в городе Усолье Пермской области. Русский. Детство провел в городе Бокситогорск Ленинградской области. В 1943-1947 жил в городе Пестово Новгородской области, с 1947 – в городе Сланцы Ленинградской области. В 1953-1954 учился в

Рижском авиационном училище ГВФ. В 1960 окончил Московский авиационный институт. Занимался парашютным спортом в аэроклубе МАИ.

В 1960-1962 – парашютист-испытатель Научно-исследовательского института авиационных устройств (НИИ АУ). В 1962-1967 парашютист-испытатель Летно-исследовательского института (ныне ЛИИ имени М.М.Громова). В 1967-1975 – парашютист-испытатель НИИ АУ. Занимался испытаниями парашютов и катапультных кресел. Всего выполнил около 1400 парашютных прыжков, 13 катапультирований из самолетов Бе-12, Ил-28, МиГ-15ЛЛ, Су-9ЛЛ, Ту-22, Як-25ЛЛ. В 1961 участвовал в установлении 2 мировых групповых парашютных рекордов.

Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда парашютисту-испытателю Олегу Константиновичу Хомутову присвоено 26 апреля 1971 года за мужество и героизм, проявленные при испытании новых парашютных и катапультных систем.

В 1975-1976 работал ведущим конструктором в НИИ металлургического машиностроения, в 1976-1997 – инженером-конструктором НПО Звезда.

Жил в Москве. Умер 23 ноября 1997. Ему исполнилось 63 года. Похоронен в Москве, на Николо-Архангельском кладбище. Лейтенант запаса. Награжден орденом Ленина, медалями.

Попович Павел Романович

Родился 5 октября 1930 года в поселке Узин Киевской области.

В июле 1947 года окончил 7 классов и ремесленное училище в городе Белая Церковь, получил квалификацию «столяр 5-го разряда».

В 1951 году окончил Магнитогорский индустриальный техникум и Магнитогорский аэроклуб.

В 1951–1952 годах Павел Попович учился в Сталинградском военном авиационном училище (город Новосибирск), в 1952–1953 годах – в 52-м военном авиационном училище летчиков на Дальнем

Востоке. В 1954 окончил Высшую офицерскую авиационно-инструкторскую школу ВВС (город Грозный).

Служил в строевых частях ВВС.

В 1960 году Павел Попович был зачислен в отряд советских космонавтов (Группа ВВС № 1). Прошел полный курс подготовки к полетам на кораблях типа “Восток”.

12-15 августа 1962 года он совершил свой первый космический полет в качестве пилота космического корабля “Восток-4” продолжительностью 2 суток 23 часа. Это был первый групповой космический полет (с космическим кораблем “Восток-3”). За успешное осуществление космического полета и проявленные при этом мужество и героизм майору Поповичу Павлу Романовичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”.

В сентябре 1966 года в ЦПК была создана группа «Алмаз», ориентированная на подготовку по космическим аппаратам разработки В.Н. Челомея. Проходил подготовку к полету по “лунной” программе, а после ее закрытия готовился к полетам на кораблях типа “Союз” и орбитальной космической станции типа “Алмаз”.

18 января 1967 года был зачислен в группу по программе облета Луны на КК Л-1.

В 1968 году окончил Военно-воздушную академию имени Н.Е.Жуковского (инженерный факультет).

В 1968 – 1969 годах проходил подготовку в качестве командира экипажа КК Л-1, вместе с Виталием Севастьяновым.

11 июля 1968 года П.Р. Попович назначен заместителем командира 2-го отряда космонавтов, инструктором-космонавтом.

21 марта 1969 года П.Р. Попович назначается начальником 2-го отдела 1-го управления, старшим инструктором-космонавтом..

С 1969 года проходил подготовку по лунной программе «Алмаз» сначала в составе группы космонавтов, а с ноября 1971 по апрель 1972 года – в условном экипаже вместе с Львом Деминим.

В начале 1969 года в результате реорганизации Центра подготовки космонавтов при 1-м управлении в его первых четырех отделах были образованы отдельные отряды космонавтов по направлениям

деятельности.

10 февраля 1970 года 2-й отдел возглавил Г. Шонин, а П. Попович был назначен заместителем начальника 1-го управления ЦПК.

К концу 1970 года в ЦКБМ разрабатываются макеты и отдельные системы, как самой орбитальной станции, так и возвращаемого аппарата.

«Алмазный» отряд был пополнен опытными космонавтами Б. Вольновым, В. Горбатко, Е. Хруновым и Ю. Артюхиным, которые хорошо знали корабль «Союз», а первые трое уже летали на нем в космос.

Группа «Алмаз», насчитывавшая в 1966 году пять человек, к концу 1971 года стала самой Программой «Алмаз» была военной и совершенно секретной. Оперативная разведка доставка информации об объектах (в том числе мобильных) на суше, в море, а также в воздухе и в космосе.

3 – 19 июля 1974 года Попович совершил свой второй космический полет в качестве командира космического корабля Союз-14 и орбитальной станции Салют-3. Это был первый полет на орбитальной станции, носивший чисто военный характер. Полет продолжался 15 суток 17 часов 30 минут 28 секунд. За 2 рейса в космос налетал 18 суток 16 часов 27 минут 28 секунд.

Павел Попович скончался 30 сентября 2009 в санатории в городе Гурзуф на южном берегу Крыма, инсульт. Похоронен 3 октября 2009 года в Москве, Троекуровское кладбище (уч. № 6).

Командир ВЧ 36851 Герой Советского Союза Пресняков Александр Васильевич родился 14 октября 1917 года в селе Лопатино ныне Скопинского района Рязанской области в семье служащего. Русский. – командир звена 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка 8-й минно-торпедной авиационной дивизии ВВС Балтийского флота, гвардии старший лейтенант.

В военно-морском флоте с 1938 года. Сражался на Балтике, награжден 23 орденами и медалями. 16 мая 1944 года получил звание

Героя.

В 1968 году назначен Крымского филиала Государственного научно-исследовательского института ВВС СА (ЛИЦ) им. В. П. Чкалова, расположенного в городе Феодосии. Старший летчик-испытатель Пресняков активно участвовал в организации и проведении государственных летных испытаний корабельных самолетов и вертолетов, авиационных комплексов поиска и уничтожения подводных лодок, авиационного вооружения и оборудования кораблей, систем приземления и приводнения космических аппаратов, авиационных средств спасения на море. Он успешно руководил полетами вертолетов, проводящих испытание по подъему с поверхности моря людей, терпящих бедствие, в том числе и космонавтов. Сам он лично проверял методику по самостоятельной эвакуации как терпящих бедствие с воды, так и со сброшенных на воду надувных лодок. Метод, отработанный для спасения космонавтов в Феодосии, с успехом был проверен Поисково-спасательной службой ВВС для всех терпящих бедствие на воде и получил высокую оценку в дальнейшей практике.

В 1969 году издал книгу «Над волнами Балтики». Работал над второй книгой.

С 1982 года генерал-майор Пресняков в запасе. Жил в городе Феодосии (Автономная республика Крым, Украина). Вёл активный образ жизни, являлся председателем Феодосийского городского совета ветеранов войны, труда и военной службы. Скончался 27 апреля 2010 года.

Погодин Николай Дмитриевич, подполковник запаса, бывший начальник отделения феодосийского летно-испытательного центра, член государственной комиссии от 3-го Управления ГНИИ ВВС (г. Феодосия)

В/Ч 36851, Крымский филиал ГК НИИ ВВС

Государственный Научно-испытательный институт авиационной техники имени ЧКАЛОВА.

В государственного научно-исследовательского института ВВС СА (ЛИЦ) входило бывшее славное 3-е научно-испытательное управления ГКНИИ ВВС, оно же ГАНИЦ, ныне ГНИЦ дислоцировалось в г. Феодосия (в/ч 36851). Располагало полигоном Чауда, крымским аэродромом «Кировское» и аэродромом «Саки» в Керчи.

Третье управление занималось летными испытаниями авиационных комплексов противолодочной обороны ВВС (испытания авиационного вооружения и космического оборудования).

В институте проводились испытание противорадарного скрывают самолётов.

Обнаружение подводных лодок радиобуями сброшенными с самолётов и их уничтожение

Испытание акустических торпед.

ОК опытные катера с 5 газотурбинными двигателями скорость 90 км в час у мыса Меганом.

Испытание и изучение иностарного оружия американского пилота Паурса U-2 и его радиостанции.

Подготовка новых космонавтов, прыжки с парашютами в море.

Выживание в море, спасательные плоты, СП жилеты. Опреснитель воды.

Испытание космошарика и космонавтов в море при шторме до 8 баллов. Сброс на сушу и на море.

Испытание лунохода.

Испытание катапульта К-36Д на сверхзвуковых скоростях самолёта Су-7 ЛЛ.

Испытатели – Валентин Иванович Данилович, Олег Хомутов, Гай Северин, подполковник Евгений Андреевич. Всего по этой программе было выполнено 12 полетов, которые выполнялись с аэродрома «Кировское» в Крыму. Сбросы проводились на полигоне «Чауда» феодосийского филиала ГКНИИ ВВС. Почти все морские средства спасения и снаряжение для них испытывал он, на 813-м спецполигоне «Чауда» 3-го управления 8-го ГНИКИ, который располагался у Феодосии.

О Даниловиче снят фильм «Гарантирую жизнь» был как раз о парашютистах-испытателях

Я нашёл этот материал 27.12.2010 г. лишь через 40 лет узнал подробности из газеты «Советская Белоруссия» №247 (23638). Пятница, 24 декабря 2010 года.

Газета «Красная Звезда» 1970 г. Валентин Иванович Данилович.

Газета «Комсомольская правда» 1970 г. Валентин Иванович Данилович.

Фото с Поповичем сделано 23.08.1969 г. В интернете можно посмотреть «Мосаэрошоу-92».

21 сентября 1970 г. в ознаменование 50-летия Институт награжден орденом Ленина.

3-е Управление помимо авиационной тематики, было подключено к испытанию средств жизнеобеспечения и спасения космонавтов. Управление испытывало для космических аппаратов катапультные кресла, скафандры, шлюзовую камеру для выхода космонавтов в открытый космос, луноход и другое оборудование.

4-е научно-испытательное управление ГКНИИ ВВС – испытание штурмовиков, вертолетов, учебно-тренировочных самолётов

6-е научно-испытательное управления ГКНИИ ВВС – воздухоплавательный центр.

7-е научно-испытательное управления ГКНИИ ВВС – Управление испытания средств жизнеобеспечения и спасения (тормозных парашютов, скафандров, катапульт)

Почтовый адрес В/Ч 36851. Раньше в этом здании было гестапо, В/Ч 36851. потом там был «Дворец Пионеров» он сгорел.

НИИ ВВС им. В. П. Чкалова
(<http://www.buran.ru/htm/str200.htm>)

История Государственного ордена Ленина, Краснознаменного летно-испытательного центра имени В. П. Чкалова уходит корнями в далекие 20-е годы прошедшего столетия. Именно в то время руководство страны стало рассматривать авиацию как мощное средство вооруженной защиты Отечества.

21 сентября 1920 г. приказом Реввоенсовета N 1903 был создан научно-опытный аэродром (НОА) Главвоздухфлота республики – первая в стране организация, предназначенная для летных испытаний

и исследований в области военной авиационной техники.

Согласно приказу НОА состоял из двух опытных частей – по тяжелой и по легкой авиации, а также аэростанции, хронометража с аэрологической станцией, динамической станции, тех бюро и канцелярии. Местом его базирования был определен московский Центральный аэродром на Ходынском поле.

После нескольких реорганизаций в связи с возросшим объемом работ и необходимостью расширения и улучшения испытательной базы 26 октября 1926 г. Опытный аэродром был преобразован в Научно-испытательный институт ВВС РККА.

В 1932 г. НИИ ВВС был переведен на аэродром пос. Чкаловский в районе г. Щелково Московской области. Перебазирование из обычного события превратилось в первый воздушный парад с пролетом над Красной площадью. Возглавлял строй из 46 крылатых машин по три в ряд самолет ТБ-3 с бортовым номером 311, управляемый экипажем Валерия Павловича Чкалова.

В июне 1944 г. институт преобразуется в Государственный научно-испытательный институт ВВС (ГосНИИ ВВС),

С 1960-го г. Ахтубинск Астраханской обл. становится основной базой института, куда перебазировались ведущие испытательные подразделения. Ранее на нынешней территории ГЛИЦ располагался 6-й НИИ

В декабре 1960 января 1961 годов происходит крупнейшая реорганизация Института. Объединение ГК НИИ ВВС (Чкаловская), ГосНИИ-6 (Владимировка),

1-е научно-испытательное управление ГКНИИ ВВС (в/ч 18374) – служба летных испытаний истребителей-перехватчиков ПВО и самолетов фронтовой авиации

2-е научно-испытательное управление ГКНИИ ВВС (в/ч 19163) – служба летных испытаний комплексов дальней авиации

3-е научно-испытательного управления ГКНИИ ВВС (в/ч 36851) г. Феодосия, Аэродром Кировское, Полигон Чауда – служба летных испытаний авиационных комплексов противолодочной обороны ВВС (испытания авиационного вооружения и космического оборудования).

5-е научно-испытательное управление ГКНИИ ВВС (в/ч 52530) – радио полигон

9-е научно-испытательное управление ГКНИИ ВВС (в/ч 21239) – трассово – измерительный комплекс .

10-е научно-испытательное управление ГКНИИ ВВС – испытание специзделий (В 1972 г. 71-й полигон ВВС в поселке Багерово прекратил свое существование как самостоятельная организация и по директиве Генерального штаба МО был реорганизован в 10 Управление при 8 ГНИИ ВВС с дислокацией в р-не г. Ахтубинска)

В 1965г. ГКНИИ ВВС переименован в 8 Государственный научно-испытательный Краснознаменный институт ВВС – 8 ГНИКИ ВВС. В 1967 г. 8 ГНИКИ ВВС было присвоено имя Валерия Павловича Чкалова.

Воздухоплавательный научно-испытательный центр (г. Вольск) в единую организацию – ГК НИИ ВВС (в/ч 15650). По новой штатной структуре в состав Института входили: командование, штаб, политотдел, тыл, 10 испытательных управлений и другие службы – 416507, Астраханская область, г. Ахтубинск-7 (Владимировка)

В 1990 г. ГНИИ ВВС приобрел современное название – Государственный летно-испытательный центр Министерства обороны имени В. П. Чкалова. Сегодня ГЛИЦ организационно состоит из авиационно-испытательных баз, специализированных по объектам испытываемой техники: ахтубинская база с сетью полигонов; филиал ГЛИЦ в подмосковном Чкаловском; высокогорный полигон в Приэльбрусье (г. Нальчик); воздухоплавательный центр в Вольске.

В армии служить тяжело, зато вспоминать приятно.

«Мой друг, отчизне посвятим, души прекрасные порывы.»

А. С. Пушкин.

В БУДУЩЕМ армия, на мой взгляд, должна остаться навсегда, но полностью видоизмениться.

Срочная служба на благо отечеству должна быть у всех. Молодёжь должна гордиться своей историей, службой, своей формой, своей родиной, должна гордиться своими предками, своей страной, а для этого она должна знать свою историю и свой род, научиться уважать и любить ближнего.

В будущем должна быть не армия ненависти и убийства, а армия любви, помощи и добра. В армию должна призываться молодёжь обоих полов, и ребята и девушки, но служба должна резко отличаться от современной. Молодые люди должны учиться жить в обществе. У ребят должен быть курс «МОЛОДОГО БОЙЦА», это всё уже изложено в воинском уставе. Воспитание воли, мужества и послушания, затем курс «МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА» будущего, где должны изучаться правила хорошего тона, христианское мировоззрение и поведение, благородное отношение к противоположному полу, к предкам и потомкам, гостеприимство и тактичность.

За счёт государства молодые люди должны получить специальность, учиться вести семейное хозяйство, шить, варить, стирать, водить машину, обслуживать бытовую технику, делать мелкий ремонт, пеленать и воспитывать детей, ухаживать за стариками и научиться многим другим знаниям необходимым в жизни.

В армии как в институте благородных девиц, девушки тоже должны учиться дисциплине и скромному поведению, женственности, материнству на благо семье, стране, обществу, государству. Они должны уметь делать всё, что необходимо женщине в течении всей жизни.

Курсанты должны много видеть, путешествовать и постоянно перемещаться по всей территории своей страны. Армия «школа жизни» должна быть такой, чтобы каждый с гордостью мог сказать: «Это были лучшие годы в моей жизни!»

Райнгольд Шульц

ВETERАНЫ

Телевизор

Для полного счастья, человеку обязательно нужен телик и велосипед. Велосипед у меня уже был. Теперь наша мамочка купила телевизор.

Мы с братом обещали за это быть послушными, помогать ей во всём и больше не ходить в кино и не тратить деньги. Если у нас дома будет кино по телику – зачем нам кинотеатр? Там, то билетов не хватает, то места плохие, то пацаны деньги отберут, да ещё и отметелят, семеро на одного.

Телевидение ворвалось в наши края, вместе с Гагариным. С экрана говорили, что в будущем телевидение перевернёт жизнь всего человечества! Ничего не будет! Ни кино, ни театра, ни газет, ни школ, ни вузов – одно сплошное телевидение. Телевизоры будут цветные, экраны большие и плоские, как картины. Телевизоры подключат к телефону, и из дома можно будет узнавать расписание поездов или прочитать любую газету, любую книгу, из любой библиотеки мира. По собственному желанию можно будет смотреть любое кино, любой спектакль. По телику можно будет посылать письма. Не выходя из дома, учиться в школе или быть на съезде в Кремле! Не слезая с дивана, путешествовать по белу свету! Телевидению принадлежит будущее! Оно будет развлекать, учить, воспитывать, формировать общество. Оно сделает человека счастливым!

В нашем северном посёлке было всего несколько телевизоров, и все валом валили к обладателям, поглазеть на чудо техники. Летом хозяева помалкивали, а зимой объявили, что каждый зритель должен принести с собой охапку дров, поскольку через постоянно открывающиеся двери в избу идёт холод. Весь посёлок шёл с дровами смотреть телевизор. Мы, пацаны, шли на обгон, в темноте поленья брали из поленицы самих хозяев. Заходили с ними в избу, а довольный хозяин выносил их во двор и клал на место.

Люди сидели перед телевизором на полу. Кому не хватало места, стояли вдоль стенок. Не дыша, смотрели на экран. На это время улицы в посёлке вымирали. На другой день, на работе, вся страна обсуждала понравившуюся кинокартину. Телевидение ещё было не порченное, не аморальное, как сегодня.

Сегодняшний дебилизатор тогда ещё назывался телевизором. Передачи шестидесятников в СССР были умные и интересные. «Голубой огонёк», «Кабачок 13 стульев», «Концерт по заявкам телезрителей», но часто показывали много военных фильмов Нам, ребятам, особенно нравились картины про лётчиков. Но иногда, насмотревшись на войну, мои же товарищи косились на меня и презрительно шипели: «Фашист!»

Мне было обидно за себя и стыдно за немцев. Я не понимал, что «фрицы» потеряли в России. На солдатских бляхах у них было написано «С нами Бог!», а они стреляли по живым людям. Они говорили, что принесли высокую немецкую культуру, но сжигали дома мирных жителей и стреляли в затылок.

Я ничего не знал о своей истории, не знал, почему я – тоже немец, и как моя семья попала сюда, на Крайний Север. Ведь я, как все мои одноклассники, здесь, в этих снегах, родился. Почему родители выгоняют из комнаты своих детей, когда вспоминают прошлое? Почему на меня вешают грехи, которые совершили другие ещё до моего рождения? Я мечтал, чтобы в советских паспортах не писали мою вредную национальность. Почему она превратилась в ругательство? Нас не любили, презирали, ненавидели. Я, как гадкий утёнок, подрастал и завидовал людям других наций, которых не унижали, не обзывали, не ограничивали.

Постепенно прихожан посмотреть телевизор становилось всё меньше, многие покупали себе свой аппарат. Маме тоже надоели наши горькие слёзы, мы залезли в долги и поставили на тумбочку дешёвый с маленьким экраном новенький черно-белый телевизор. Перед экраном ставилось приспособление, в которое, как в аквариум, наливали дистиллированную воду, получалось огромное увеличительное стекло – изображение становилось чуть больше.

Потом появилась прозрачная цветная плёнка с голубым верхом и зелёной полоской внизу, которую наклеивали на экран и картинка получалась с цветной природой и фантастически раскрашенными лицами при крупном плане.

Аппараты были ещё ламповые, некачественные и часто ломались. У многих на телевизорах лежали плоскогубцы для переключения

тугих тумблеров телевизионных каналов, потому что в таких семьях настраивали, крутили, переключали приемник все, кому не лень. Нам мать строго-настрого запретила дотрагиваться до телевизора. Вилку в розетку включала и выключала сама, а если надо было добавить звук или сделать экран ярче, звала нашего соседа, который жил через дом, – дядю Сашу Баталова.

Дядя Саша

Дядя Саша работал в аэропорту и разбирался в технике. Он охотно откликался на просьбу матери, добавлял звук, крикал и сразу не уходил. Мать наливала в гранёный стакан водку, сверху клала кусок чёрного хлеба с салом. Дядя Саша опрокидывал стакан, закусывал и, откашляв-шись, говорил:

– Ну, если надо что – зовите! Завсегда поможем! – и, довольный, отправлялся восвояси. После маминой стопки он где-то добавлял ещё, и к темноте сидел на крыльце с гармошкой уже хорошенький. Над его головой висело созвездие Большой медведицы и яркая белая холодная Полярная звезда.

Дядя Саша делал телику живую серьёзную конкуренцию. Возле него, на улице, собиралось народу не меньше, чем у телевизора, особенно молодёжи, особенно пацанвы. Он пел красиво:

Ах, война, что ты, подлая, сделала?
Вместо свадеб разлуки и дым!
Наши девочки платица белые,
Раздарили сестрёнкам своим.

По дороге едва помаячили,
И ушли за солдатом солдат.
До свидания, мальчики!
Мальчики, постарайтесь вернуться назад!

Дядя Саша был похож на Гагарина – только постарше, добрый, весёлый, находчивый и озорной. Герой войны – фронтовик! Там он

летал на самолётах. У него была настоящая немецкая финка, с золотой свастикой на рукоятке, и трофейные фашистские короткие сапоги с подковками. Однажды зимой, придя из школы, я с удивлением обнаружил по дороге на снегу странные следы: на месте каблука чётко отпечатанные в снегу фашистские знаки. Их было очень много на свежеснежавшем снегу, всюду, где ступала нога, отпечаталась свастика. Оказалось, дядя Саша демонстрировал сапожникам, работавшим в сапожной мастерской, в том числе и моему отцу, и качество трофейных сапог. Сарафанное радио сработало быстро, прибежал участковый и велел смести со снега все следы.

А отец сказал:

– Хорошие сапоги, но носить их так нельзя. Давай я тебе на каблуки новые набойки сделаю.

Участковый поддержал идею. Отец срезал с каблуков свастику и поставил новые набойки, с подковками. Местная милиция освободилась от проблемы, а дядя Саша приобрёл возможность носить хорошие сапоги. Все вместе, тут же, обмыли сделку.

Отец

У отца были золотые руки, а у клиентов – руки в золоте.

– Отчего так? – Приставал я к отцу. – Почему мы бедные? Почему прошлое – это тайна?

Я был почему-то. Мне было всё интересно, например: как будет в будущем, когда мы с братом станем взрослыми. Кем мы будем? Какие попадутся нам жены? Хорошине? Красивые? Добрые или наоборот? Где они сейчас живут? Ведь где-то они уже есть? Интересно, сколько у меня будет детей? Как их будут звать? Вот ещё интересно, когда мы с братом будем семейные и придём к друг другу в гости, в окружении невесток, зятей, внуков. Будем мы окружены заботой и любовью? Будут нас так любить, как мы – я, мама и братик – любим тебя, папочка?

– Потерпи! Жизнь ответит на все твои вопросы! – говорил отец.

Отец будил меня рано утром, чтоб я бежал в магазин занимать очередь за хрущёвским кукурузным хлебом. На весь посёлок газон-

чик-хлебовоз привозил только один фургон хлеба. На всех не хватало. Пока кукурузный хлеб был горячий, он был вкусным. А к обеду становился такой чёрствый, что буханкой можно было забивать гвозди.

– Хлеб и вода – нету беда, – говорил отец, собирая со стола крошки.

Мысли – крылья души. Он сажал меня на колени и мечтал вслух, что наступят времена, когда хлеба будет, сколько хочешь и без талоннов, и не только чёрный кукурузный, но и серый, белый и даже булочки. Работать все люди будут только пять дней в неделю, субботу сделают выходным, таким же, как воскресенье. У всех дома будут телефоны и личные машины. Можно будет просто так ездить, куда хочешь, и даже за границу. И по Луне будут ездить люди. Деньги отомрут и наступит Коммунизм. Каждому – по потребности, от каждого – по способности.

– Какие же вы, дети, будете счастливые! – радовался батя. – Я, конечно, до этого не доживу, – и он тяжело, с сожалением, вздыхал.

Каторжные немцы на Севере жили недолго. Голод, трудармия, лесоповал отобрал у них последние силы. Отец тоже часто болел и вскоре умер. Я закрылся в сарае, горько плакал, спрятавшись в дровах, и молил Бога, чтобы отец непременно ожил. Дядя Саша с соседями зашли в сарай, молча взяли лопаты и ушли копать могилу.

Я с братом-первоклассником остался сиротой, мать – вдовой. Она работала, как лошадь, и ревела в подушку, как белуга, но из нужды мы не вылезали. Впрочем, мы и раньше не жили богато, так что не пришлось и отвыкать.

Вечерами к нам на «Андахт» приходили высланные немцы, они утешали друг друга, пели тихонько христианские песни, читали Библию, плакали и молились. Я слушал, как старики и женщины говорили меж собой на материнском, изумительно родном, красивом, нежном и воркующем немецком языке. Мне это очень нравилось. На кухне я почти всё понимал. Это был простой, без мата, бытовой язык. Мать говорила с нами, в основном, по-немецки, а мы, стыдясь, что нас услышат товарищи, отвечали по-русски. Мы не хотели, чтоб нам плевали вслед. История, которую мы учили в школе, была наукой для

дальтоники, она имела два цвета: чёрный и белый, без полутонов, без красок. Все богатые были плохими, все бедные – хорошими. Всё советское – хорошее, всё немецкое вызывало ненависть.

В школе мы учили одно, а во дворе – другое. По всем непонятным вопросам мы обращались к дяде Саше. Он был свой.

– Кто лучше? Коммунисты или баптисты? – наивно спрашивали мы.

– Конечно, верующие, – просто отвечал он, – у них самоконтроль в душе. Они живут не для наград, не ради живота своего и карьеры, а ради спасения души. На фронте говорили: «Если не вернусь, считайте меня коммунистом!» А если вернусь, то нет? Современные коммунисты, как фарисеи, утратили свой чистый дух и в партию вступают не по убеждению, а для того, чтобы шлагбаум для них поднялся, чтоб в президиум попасть и в магазин через заднее крыльцо.

Дядя Саша тоже был обижен на власть и редко носил боевые награды, а над другими ветеранами-щеголями надсмехался:

– Что? Все побрякушки нацепил или ещё остались? Медаль «Мать-героиня» -то сними, не тебе дали! А то грудь расширять придётся. Ты ещё брови налохмать, похоже будет! – кричал он прохожему. – Мы на фронте однажды вагон с медалями отбили, каждый брал сколько хотел, а бабы медали корзинками таскали, может и тебе от них перепало за ночку тёмную? А может, в тылу надзирателем служил?

Щеголи плевались и спешно уходили. А дядя Саша смеялся, как ребёнок. Потом став серьёзным шепотом говорил: Медали на войне даются за убийство. За каждой наградой, чья-то жизнь!

Дядя Саша любил облака, небо, самолёты и свою жену Лену. Она его всю войну ждала, поддерживая его силы треугольниками писем. Когда они гуляли на улице, ими любовался весь посёлок – они были как молодожёны. Оба любили людей и жизнь, какая бы она ни была.

Война

Иногда, «под мухой», дядя Саша рассказывал на крыльце о войне. Когда он увлекался, крутил головой, махал руками, матерился.

Вокруг нас свистели пули, громыхали взрывы, ревели самолётные моторы, пахло гарью. Полыхало пламя Второй мировой.

Дядя Саша не думал попасть в авиацию и военному начальству прямо заявил:

– Рождённый ползать – летать не может.

– Умел бы ползать, летать научим! – был краткий ответ.

Научили за пару месяцев, по ускоренной программе: «взлёт – посадка» – и на фронт. Жить захочешь, будешь вертеться. Доучивались в бою.

Крылатая пуля Me-109 шлифовала знание и умение. Немецкое командование инструктировало своих пилотов стрелять в русские самолёты только по моторам, потому что мощные пушечные снаряды, прошивая на вылет брезентовую обшивку фанерных аэропланов, не причиняли русским особого вреда. Дядя Саша говорил, что видно было, как лётчики с обеих сторон махали в кабинах друг другу кулаками, когда кончались боеприпасы и играли в догонялки, идя на таран.

Но однажды у них на фронте появился немецкий лётчик-ас, «Чёрный дьявол». На чёрном самолёте «Мистер Шмит» было нарисовано сердце, проткнутое стрелой, и имя его невесты – «Уреула». Разведка выяснила, что «Черного дьявола» – белокуро-соломенного парня – зовут Эрих Хартман, и против него слетелись наши асы на дуэль.

Когда его видели в небе, молодёжь в воздух не пускали. Щёлкал он их, как орехи. Дядя Саша с ним схлестнулся неожиданно, немец оказался проворнее и самолётник его шустрее, быстрее, оружие – покруче, короче говоря, от дяди Сашиного самолёта полетели брезентовые клочья, а сам он спасся на парашюте. К парашютисту со всех сторон понеслись немцы, чтоб расстрелять мишень в воздухе, но «Чёрный дьявол» не дал, отогнал всех своим самолётом и кружился, пока дядя Саша не опустился на землю, потом покачал крыльями и улетел. Рыцарь какой-то в лавине военной крови.

Он влетел в судьбу дяди Саши и наломал там дров. В небе – война другая. Там стреляли не в людей, а по самолётам. На земле она оказалась грязная, кровавая, жестокая, но он не склонился. Был плен

у немцев, побег, снова плен, освобождение и плен у наших, в Кировских болотах. После зоны – ссылка в Коми. У нас в посёлке все такие – химики, все через зону прошли, историю знали не из учебника.

Дядя Саша, оглядываясь, шёпотом говорил, что поначалу Красная армия в освобождённых концлагерях с азиатской жестокостью расстреливала русских военнопленных за то, что они там работали на немцев, получается – помогали врагам ковать победу. Мир возмутился, западные газеты подняли шум. Потом, одумавшись, наши увозили живых в Союз, в свои концлагеря, в архипелаг ГУЛАГ, и там погубили естественно и тихо. Немецкий плен – не сахар, но родной, советский, был в три раза горче, а для русских – несравненно обиднее и позорней.

– У каждого человека есть свой предел прочности и всему свой срок. Герои никогда не стонут, – учил дядя Саша. – Не жалуются на жизнь – могло не быть и этого.

Под «этим делом» дядя Саша рисковал и иногда говорил то, что нельзя, чего не было в учебниках истории. Он много знал. Он вспоминал, как в концлагерях немцы вербовали пленных в РОА – Армию Обиженных Рабов, которой командовал сдавшийся генерал Власов. Ненависть к советской системе рождала добровольцев-перебежчиков даже в конце войны, когда Германия уже была обречена. Многие хотели воевать не против Отечества, а против режима диктатуры, раскулачившего их, расстрелявшего родню, сгубившего предков и наследников.

В «Люфтваффе» служили польские, украинские, русские пилоты, белые эмигранты. В Карлсбаде немцы создали истребительные и бомбардировочные эскадрильи. «Иваны» воевали в составе немецких эскадрилий, перегоняли самолёты с заводов на передовую. В РОА были даже Герои Советского Союза, причем, они имели право носить свои «Золотые звёзды», им сохранили их воинские звания. По мнению немцев, любая награда, полученная в армии другой страны, лишь подтверждает доблесть её обладателя. А потом и предатели, и патриоты – все вместе – были простые советские зэка.

– И в ссылке сейчас живём вместе, – итожил дядя Саша, кивая на окно своего незаметного соседа-власовца. – В тихом омуте – черти

водятся, и чем тише омут, тем умнее черти! Много их у нас в посёлке, – и он с презрением сплёвывал знакомые имена и фамилии родителей моих товарищей, тех, которые меня постоянно обзывали фашистом.

Много интересного рассказывал он, и всё у него жизненно получалось, не зло. После хрущевской «оттепели» стало легче. Его приглашали выступать перед школьниками. Показывали по телевизору. О нём писали ещё во фронтовых газетах. Мы брали с него пример. Он был счастливчик. Крым и рым прошёл и ни одной царапины, душою добрый, ласковый, умел согреть, утешить. Он учил видеть человека даже в своём враге. Осуждал красный и коричневый режим, а главное – все пацаны, любя дядю Сашу, влюблялись в небо.

Все хотели попасть в авиацию и сесть на самолёт. Мы строили планеры, резиномоторные модели, запускали в небо парашютики из носовых платков. Я над своей кроватью повесил вырванный из журнала плакат: «С модели – на планер, с планера – на самолёт!» Ложась спать, представлял себе полёты высоко-высоко в небе, намного выше облаков, там, где даже в полярную ночь можно видеть яркое солнце.

Советская армия

Военно-медицинская комиссия мою мечту зарубила сразу.

– Тебе нельзя работать на транспорте, – заявил врач, – нельзя быть лётчиком, капитаном, машинистом поезда, шофёром. Ты – дальтоник!

Военком, прочитав школьные и производственные характеристики, спросил:

– Небо любишь? Авиацию? Авиамодельный кружок в школе ведёшь? Даже аэросани построил? Ладно, пойдёшь в ВВС. Может, из тебя авиаконструктор какой получится.

«Покупатели» увезли в ШМАС, в Новгородскую область, под Ленинград. Сразу прошёл слух, что в нашей части, «на губе», сидел сам Чкалов, и все курсанты мечтали попасть на его нары.

Следующая медкомиссия определила мою будущую специальность: «Исключительный слух. Будешь «слухач» – чистый радист».

До тошноты изучали морзянку, радию, конструкцию военных самолётов, оружие массового поражения, атомную бомбу, не снимали противогазы в химдень. Бегали морозными ночами по тревоге, сдавали нормы ГТО. На политзанятиях штудировали все о вероятном противнике и северо-атлантическом блоке НАТО.

Радисты – военная интеллигенция. Чтобы не сорвать руку, курсантам не разрешали поднимать тяжести, даже ведро воды.

– Учитесь, – настаивали командиры. После экзаменов отличники сами смогут выбрать место дальнейшей службы, где-нибудь на Чёрном море, а неудачники будут всю службу в туалет по верёвке ходить, чтоб пурга в тундру не унесла. Старайтесь. Наш девиз: «Крепче воля – ближе победа. Не можешь – научим, не хочешь – заставим!»

Экзамены по специальности принимал сам командир части – полковник. Зайдя в класс, он спросил:

– Кого устраивает в аттестате об окончании военного училища четвёрка? У нас плохо не учат!

Поднялось полкласса рук. В классном журнале, напротив их фамилий, полковник тут же поставил четвёрки, и курсанты с удивлением и облегчением вышли из класса, не успев напереживаться. Оставшимся полковник объяснил:

– А вам я поставлю либо пятёрку, либо единицу. Кого ещё устраивает четвёрка?

Поднялось ещё несколько рук. Остальные сдали на «отлично», в том числе и я, получив должность начальника коротковолновой радиостанции средней и большой мощности.

– Куда хочешь попасть служить? – спросил полковник при распределении.

– Куда Родина прикажет, – ответил я.

Он улыбнулся, подпи-сал приказ и протянул мне. Я отдал честь и, не читая, печатая шаг, покинул помещение.

В действующую воинскую часть я попал в Крым, в Феодосию, на аэродром «Кировский», в военный научно-исследовательский институт имени Чкалова, в «Королевскую роту белых мышей», работающих на программу центра подготовки космонавтов. Руководителем группы у нас был космонавт №4 – Павел Попович.

Я обеспечивал радиосвязь. Радистом ходил с будущими космонавтами в море, плавал на подводных лодках, летал на самолётах и вертолётах. Будни были напряжённые, а осенью, по выходным, военные помогали колхозам убирать урожай. Тогда я впервые в жизни увидел, как растут яблоки, груши, виноград и другие фрукты. По праздникам возили нас по местам боевой славы.

Мы изучали историю и Устав, после отбоя бегали в самоволку купаться в море и попадали на «губу». «Бьют не за то, что делаешь, а за то, что попадаешься», – учили старики. Каждый командир был Соломоном, а мы – рабами. После «губы» – на политзанятия; ребята, наевшись чеснока, специально садились напротив трибуны, в первый ряд, чтоб замполит – Коммунист Коммунистович – долго не трепался. В отместку тот устраивал учебную тревогу и завершал доклад на свежем воздухе. Замполит всегда был прав, он любил читать мораль и любил наказывать. Говорил много неубедительных, ненужных слов, а нужных не находил. Он выражался так, как будто ненавидел: без уважения, без любви. Худое слово – как заноза, рана от него болит и долго ноет. Солдаты, как учил старшина, скручивали ему в ответ в кармане пантомиму из трёх пальцев, русскую фигурку, делали себе «громоотвод» и «заземлялись». На душе сразу становилось легче, не обидно, а наоборот очень даже весело. Замполит заставлял насыпать полные карманы песка и зашивать их белыми нитками. Ходить с тяжёлыми карманами ещё было можно, но бежать – тяжело. Песок больно бил по бёдрам, и ноги гудели, но мы не сдавались и руки держали за спиной с двумя фигами.

Уставники-карьеристы были везде, но фронтовики, видевшие смерть, были совсем другими людьми. Они не пылили, а распоряжались по-отцовски, с пониманием.

На комсомольской конференции мы – молодые делегаты – спросили нашего командира части, Героя Советского Союза, генерал-майора, фронтовика, лётчика-торпедоносца:

– За что Вам дали «Золотую звезду»?

– Повезло! – ответил он просто. – Такса была. Попал в цель, вернулся живой из 20-го вылета, – получай Героя. Попал, но не вернулся, тоже получай, но посмертно. Многие не возвращались даже с

первого. Просто было и смертельно опасно. Либо грудь в крестах, либо голова в кустах, а на нет и суда нет.

Со многими военными счастливыми довелось познакомиться в армии. Я был благодарен судьбе, ведь ещё совсем недавно национальный шлагбаум для таких, как я, был наглухо закрыт. Немецких парней не брали в армию и не принимали на учёбу, у них не было будущего. Я старался оправдать оказанное мне доверие, я был лучший, но всё равно всегда в тени. Тенью была – моя национальность, каждый в неё мог плюнуть.

По телевизору, в программе «Время», показывали тревожные новости с Дальнего Востока, с советско-китайской границы. На западе – наши первыми высадили десант в Чехословакии, потом американцы слетали на Луну, а в нашей части, под брезентом, появилась странная тележка. Между собой знатоки шептались, что это «Луноход», я тоже его долго гладил и вспоминал слова моего отца-мечтателя, а потом по телику видел, как она ползала по Луне.

Служба досталась трудная, но интересная, а главное – при небе, при самолётах, на переднем крае науки и техники. Мне намекали на контракт, но, отслужив положенный срок, вернулся я обратно на ссыльный Север, к маме, чтобы подставить ей своё плечо.

Гражданка

Мама позвала дядю Сашу отпраздновать встречу, и он устроил меня на работу в свой аэропорт, где я счастливо проработал 20 лет. Дядя Саша состарился и получал свою продуктовую пайку в специализированном магазине «Ветеран», переименованный фронтовиками в магазин «Спасибо Гитлеру».

– Если бы не он, – шутили ветераны, – остались бы сейчас старички без хлеба.

В Союзе тогда цвели три морали: знаю одно, думаю по-другому, поступаю по-третьему. В очередях слушали одно, по телевизору – другое, а чтобы знать – третье, не спали ночью, напрягая слух, ловили по радио, забиваемую советскими глушителями, голос своей далёкой и близкой радиостанции «Немецкая волна».

Прошли годы, пришёл Горбачёв. Закончилась холодная война, началась перестройка. На закате века возродился золотой Запад.

К границе на замке подобрали ключик. С империи зла упал железный занавес, на границе поднялся шлагбаум. Давно исчез коричневый режим, развалился и красный, с коричневой тенью. Сгнули, вымерли братья-антиподы. Закончилась суровая эпоха. Система послевоенных ценностей исчерпала себя. Истина одного века превратилась в заблуждение другого. Классовые враги стали экономическими партнёрами. Немцев в «Мерседесах» стали уважать, гадкие утята превратились в белых птиц. Пошёл процесс сообщающихся сосудов. Границы европейских государств размылись. Все стали пользоваться общей валютой, смотреть одни и те же фильмы, носить одни и те же вещи. Есть одни и те же продукты. Исчезли будни, остались праздники. Всё стало можно. Растаяли границы святости. Исчезла нужда, позабылась Библия. Пропал стыд. Люди перестали отличать хорошее от плохого, добро от зла. Грех смогли оправдать.

Но все почему-то стали недовольны. Общие проблемы расплзаются по всем государствам, их надо решать теперь всем миром. Войны не объявляются, фронт стал повсюду с невидимым врагом – терроризмом. Исчезли настоящие друзья, любовь стала продажной, семья – однополкой. У телевизора появился родственник – компьютер. Все начали пользоваться Интернетом. Телевизоры стали цветные, а зрители – дальтониками. Телевидение не оправдало надежд и превратилось в аморалку, несущую в людское сознание грязь. Человек без денег потерял своё лицо, исчезла ценность личности. Всё зависло в грехе. Всё по Писанию.

Огромный Советский Союз, как «Титаник», ушёл на дно. Началось великое переселение народов.

– А может, зря вы уезжаете! – говорил, прощаясь, дядя Саша. – Ну, какой ты немец? По крови – да, а по духу? Ты же наш! Говоришь по-нашему, воспитан в нашем духе, здесь прошла твоя жизнь. Здесь тебя с детства все знают и уважают. Здесь твои одноклассники и друзья. Здесь остаются могилы твоих родителей. Ты же здесь родился! Здесь ты – образованный человек, а там будешь полуграмотный, даже высказаться нормально не сможешь. Хорошую работу не полу-

чишь, а без неё не то что чужие, свои отвернутся. У них даже отчества нету. Там всё по-другому. Я оттуда бежал! Не всё золото, что блестит. Ты не думай, что там всё хорошо. И Германия у России могла бы тоже кое-чему поучиться. У них там на первом месте только мани, мани, а не душа человеческая. Там всё наоборот. Там всё другое. Тосковать будешь. Кому ты там нужен?

Ты что радио не слушаешь?

– Днём или ночью? – подколот его я. – Чем коммунизм строить, лучше туда уехать. Возможно, мне будет не легко, но дети мои станут там равные, а внуки настоящими немцами. Здесь мы со своей фамилией будем вечно, как со звездой во лбу, а там она звучит как «Иванов» в России. Да и потом, возвращение на нашу Родину – это заветная мечта многих поколений немецких колонистов. Жалко, большинство не дожили, – защищался я.

– Родина – мать! Родина – это страна, в которой человек родился и гражданином которой является, – гордо разъяснил он.

– А земля предков? Родина отцов? Фатерланд? Это мой Юрьев день. Я десять лет за выезд бился. Я Брежневу писал и Горбачёву. Я вырваться хочу из крепостного права. Всё давно решено! Где мать, где мачеха – не знаю, – не сдавался я.

– Ну, тогда не поминай лихом, – произнёс дядя Саша. – Прости и не обижайся, если что не так. Что было со страной, то случилось и с нами. Судьбу человека определяют интересы государства, – глядя в землю, сказал он.

– И Вы простите, если что не так!

Мы обнялись.

Реэмиграция

Старый дядя Саша остался на далёком Севере, а я очутился в незнакомой Германии и превратился из немца – в русского, из работяги – в безработного, из элитного человека – в заброшенного, из компанейского молодого – в пожилого и одинокого. Из женатого – в холостяка...

Деньги правят миром. За что боролись, на то и напоролись. Чем

только не занимался я на исторической родине, работал по-белому и по-чёрному. Копал огороды, ремонтировал квартиры, продавал колбаски на гуляньях, разносил газеты, подметал улицы. Шоферил.

С перебитой, переломанной душой спасался в церкви, моя Библия не просыхала от слёз. Я на карачках ползал за Христом и, бросив мир, уходил в монастырь. Евангелизировал Россию. Возил туда гуманитарный груз. Занимался бизнесом. В Карпатах делал стульчики для германских детских садиков. Продавал в СНГ грузовики и молоковозы. Убирал мусор на улицах Германии, работал на почте и на конвейере военного североатлантического блока НАТО. На своей шкуре испытал потогонную систему.

Ощутил одиночество в толпе. Всюду один, как в поле трактор. Дипломы спрятал на дно коробки. Рыдал над своим вузовским поплавком, а потом, как стойкий оловянный солдатик, смотрел сквозь слёзы в звёздное небо. По созвездию Большой медведицы находил знакомую, теперь такую далёкую, Полярную звезду и видел под ней наш двор и на крыльце с гармошкой дядю Сашу.

– Ты что думал, ты в сказку попал? – кричал он, задрав голову. – Ты в жизнь вляпался! А жизнь – это цепочка утраченных иллюзий...

– Смолоду человек планирует свою жизнь, а судьба ему перечит, её дороги часто проходят поперёк и ставят на его мечте свой жирный крест. Как же сделать человеку хорошо? – задавал я ему извечный вопрос.

– Всё познаётся в сравнении. Надо, чтоб стало плохо, а потом так же, как было.

Когда мы молоды, нам кажется, что мы – центр Вселенной и мир крутится вокруг нашего «Я», но, со временем, центробежная сила выбрасывает всех на задворки. И вправду, я одичал в Европе и отупел без настоящего дела. Обиделась на жизнь душа и стала обывательской, но, с другой стороны, если посмотреть с юмором, то где и когда мы имели бы столь уникальную возможность получить такие знания в разных областях труда и жизни? Наверное, поэтому многие переселенцы становятся философами и берутся за перо, если есть время. Мы страдали во всех поколениях. «Человек, покинувший место, где он родился, не найдёт покоя», – говорится в Библии. Ностальгия – не

тоска по Родине, ностальгия – это тоска по прошедшему времени.

Я, с поломанной душою, стал тихонько таять, как лёд весною на реке. Жизнь остаётся молодой, а мы стареем. Я стал другим – седым и тихим.

Много превращений произошло со мной и в этом тёмном мире.

Под солнцем, даже под луною, все места давно заняты. Всё, как сказал дядя Саша.

Дед

Однажды, будучи в Бёб-лингене, под Штуттгартом, занесло нас подработать к одному местному немцу, доктору Шнайдеру, бывшему главному врачу местной больницы. Мы, русаки, втроём красили, какая-то турчанка мыла полы, местная студентка печатала на компьютер-тере то, что шептал ей доктор.

На стене его виллы висели черно-белые фронтовые пожелтевшие фотографии военных лётчиков рядом с самолётами. Похожие фотографии солдат висят и в русских избах. Матери ещё не выплакали все слёзы. Война ещё гремит в сердцах. В Германии я видел много ухоженных военных кладбищ с русскими солдатами, а в России, на нашем кладбище, ещё стреляют из ружья по памятникам русских немцев. Кого-то ещё грызёт ненависть и обида.

– Да! Звучит ещё эхо войны, – произнёс я, глядя на фотографии.

– Праведным кулаком грешный режим не перешибёшь, – перехватив мою мысль, сказал дед. – У войны и у мира – разные ценности. На фронте убийца – герой, в тылу – преступник. Приказы не обсуждаются, а выполняются. Солдат – везде солдат, он человек подневольный. Он за политику не в ответе.

Гнали нас тогда с обеих сторон, как баранов. Либо ты, либо тебя! Я вот в молодости увлекался авиацией, до сих пор люблю самолёты, облака, небо и мою Хильду! – указал на висящие фотографии дед.

– И я очень люблю самолёты и небо! Я служил в военной авиации, а затем много лет проработал в гражданской авиации в «Аэрофлоте», – сказал я, и дед посмотрел на меня с интересом.

– Я хотел стать лётчиком, – вздохнул дед, – но медики меня не пропустили, я – дальтоник.

– И я хотел стать лётчиком, но медики меня не пропустили, я тоже – дальтоник, – вздохнул я.

– Тогда я закончил школу военных радистов, изучал морзянку и работал на ключе, – продолжил дед и уставился на меня.

– Надо же! Я тоже закончил школу военных радистов, изучал морзянку и работал на ключе! – в тон ему вырвалось у меня.

– Потом меня послали на восточный фронт. В Крым, возле Феодосии. С нашего аэродрома виден был залив, мы там купались.

– И я служил в Крыму возле Феодосии. С нашего аэродрома виден был залив, и мы там купались, – удивился я совпадениям.

– Я там был в 43-м, – сказал дед, виновато склонив голову.

– А я – в 69-м, спустя 26 лет, – ответил я, прямо смотря ему в глаза.

– Потом нас перебросили на Кавказ, – тихо продолжил дед, – а там, на земле, наши самолеты разбомбили русские, и нас, безлошадных, отправили домой в отпуск, пока не прибудет новая техника. Я приехал сюда и тут подхватил желтуху, болел долго и тяжело. Из авиации меня списали. Тогда я и выучился на врача.

– Мне тоже, после армии, пришлось много переучиваться. Закончил университеты в России, но Германия дипломы не признаёт. Там нас в люди не пускали и здесь тоже не хотят, – развёл я руками.

– Теперь я на пенсии, пишу мемуары, рассказы всякие, – с гордостью сказал дед.

– У меня тоже много времени, и я пишу стихи, рассказы, историческую прозу про немецких колонистов в России и про нашу теперешнюю жизнь после возвращения на историческую родину.

– Слава Богу, что тогда, в сорок пятом, война закончилась, – подытожил дед.

– Это для Вас война закончилась в сорок пятом, – ткнул я его носом в факт, – мы не воевали, а для нас, русских немцев, она закончилась в 56-м, спустя 11 лет. Я родился в 49-м, ещё под комендатурой, а из плена вернулся в 90-м. Многие немцы ещё воюют за возвращение! Многие семьи разорваны. Многие развалились тут. Мы тут и там

оказались чужими. Нужен большой запас прочности, чтоб всё это осилить и выдержать, – сознался я.

– Да! Сколько общего и сколько разного в наших судьбах, – удивились мы оба. Только тот, кто пережил нужду, способен сердцем всем понять такое.

– Мы – единый народ! – вдруг громко произнёс дед, пустил старческую слезу и полез обниматься.

Я возражать не стал, братанье произошло. Дед меня зауважал. Мы были почти на равных. Мы – солдаты одной нации и разных армий, служили в одном месте, в разное время, у нас разные судьбы и разное состояние. Всё, что я нажил, я оставил там, где могилы родителей, взял с собой только веру, надежду, жену и детей. У деда есть всё, у меня нет ничего, хоть в жизни я заплатил не меньше и трудом, и умом. «Только я трудился для всех за так, а он – для себя, за капитал», – подумалось мне.

Зато я не воевал. Я в рубашке родился, и в ней, наверно, дохожу свой век. Счастлив не тот, у кого много, а тот, кому хватает. Зато теперь я знаю своё прошлое. Немецкие колонии на Волыни перед первой мировой войной были самыми богатыми хозяйствами в мире! Ни в Германии, ни в Америке – нигде на земле не жили люди в таком достатке. Тогда мы были одним из самых грамотных народов планеты, сегодня немцы из России на предпоследнем месте в этом списке. Нет страшнее истории и несчастнее судьбы, чем у моего народа. Их разорили, рассеяли, запретили родной язык, обрекли на вымирание. Каждая семья в одиночку боролась за выживание и сохранение своих культурных корней. Выжившим устроили фронт в тылу, потери в трудармии были выше, чем на передовой, каждый третий немец России погиб, не погиб – замучили. В моей семье за честный труд прадеда расстреляли, у дедушки всё отобрали, отца на каторгу сослали, а я сам всё бросил, раздарил, раздал и нищим, с пустыми руками, пересёк границу. Мы все и всё оставили России. Оказали ей двухсотлетнюю коллективную гуманитарную помощь. Если власть хочет, чтобы её уважали, то надо восстановить справедливость. Нам очень важно, чтоб это осознали все, чтоб попросил прощенья Кремль, сказал, как дядя Саша, для всего моего покорного и бедного народа, пока ещё

старики живы.

– Такие были времена! Простите люди! Спасибо Вам за добрые дела! – слеза выкатилась из моих глаз.

– Всё будет хорошо! Всё будет хорошо! – дед хлопал по моей спине, – Не расстраивайся. Жизнь – она у всех чуть-чуть не получилась.

Чёрный дьявол

– Чуть-чуть в авиации не считается! «Самолёт чуть-чуть не долетел», – сказать нельзя! Все лётчики об этом знают, а кстати, Вы знаете? В вашем городе, до войны, жил один очень интересный человек. Лучший лётчик всех времён и народов – Эрих Хартман. Впервые о нем в России рассказывал мне мой сосед, дядя Саша. Слыхали ли вы что-нибудь о нём? – спросил я.

– Как не слыхал? – ответил дед. – Я учился с ним в одной школе авиаспециалистов, в параллельных классах. Часто бывали вместе на вечеринках. Мы оба были влюблены в самолёты и в небо!

– Уже здесь, в Германии, я прочитал книгу «Лучший АС Второй мировой» о Эрихе Хартмане, – продолжил я. – Трижды Герой Советского союза Иван Кожедуб сбил 60 самолётов противника, а 20 летний Эрих одержал 352 победы. Выходит, теоретически, он 18 раз Герой – это даже больше Брежнева. У Эриха одного, в два с половиной раза больше вылетов, чем у всей французской эскадрильи «Нормандия-Неман».

На фронте свои его звали «Буби» («малыш»). За голову «Буби» Сталин назначил премию 10000 рублей. Ради этого создали элитную группу из русских героев – Ивана Кожедуба, Александра Покрышкина, Николая Гулаева, Василия Голубева. Но Эрих им не дался.

У Хартмана было 14 вынужденных посадок. Его не раз сбивали, но ни одной царапины за всю войну он не получил. Он был как дядя Саша – счастливчик. У него, кажется, с Гитлером в один день день рождения, и фюрер, неоднократно, лично награждал его высшими наградами рейха: Рыцарским крестом, дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. За всю войну в Германии было всего только 27 таких

наград. Когда перед награждением, в приёмной Гитлера, офицер безопасности потребовал фронтовиков сдать оружие, Эрих заявил:

– Скажите фюреру, что я отказываюсь от бриллиантов, если у него нет доверия к своим офицерам. Его пропустили, не контролируя.

У Эриха была большая, настоящая любовь. Он с фронта на своём самолёте-истребителе прилетал сюда, в Бёблинген, в отпуск, чтобы расписаться со своей невестой Урсулой, а в церкви они обвенчались только через 17 лет, после того, как он вернулся из русского плена. После плена у них родилась дочь – Урсула Изабелл.

В конце войны у него был приказ: улететь в Англию и сдать англичанам, но он не согласился бросить своих товарищей и попал к американцам, а они его продали русским. Шесть лет красные вербовали его в свою разведку, хотели сделать из него советского шпиона. Русские предлагали Хартману хорошие должности в ГДР, чтобы показать миру силу красных идей, но он не принял эти предложения. Когда, в 49-м году, ему дали 25 лет принудительных работ, он попросил расстрел.

Во время войны, советский Геббельс – Илья Эренбург – поднял против немцев настоящую истерию ненависти, призывая к мести.

В 1942 г. немцев, напавших на СССР, перестали называть фашистами, но «немцами» или «фрицами», ибо вторжение и зверства нацистов пробудили страшную ненависть к нации.

Поэт Прокофьев в этом же году писал: «Как бы больше истребить сволочи немецкой».

Призыв Эренбурга, прозвучавший в его статье «Убей немца», направленной против зверств наци, сыграл свою роковую роль в отношении русских немцев. Бытовое сознание стало их отождествлять с немцами, развязавшими войну, в связи с чем преследования русских немцев ужесточились повсеместно.

От русских требовали брать немецких женщин, уничтожать мужчин, убивать невинных детей. «Каждый немецкий ребёнок – это дитёныш фашиста, – вопил он. Будьте беспощадны! Уничтожайте всех, кто только издаст звук на этом подлом немецком языке...»

На фронте сразу родился почин – пленных не брать. Штрафные батальоны жалости не знали. Убивали молящихся! Пулю жалели,

немца – нет. Раненых бросали под гусеницы танков и давили. Немецкие кладбища равняли танками. Шла волна жестокости и зверств, психическая чума не знала правил.

Особенно изощрялись палачи в трудармии и в концлагерях, против беспомощных и беззащитных. Говорят, был заготовлен тайный приказ: в случае победы немцев в Сталинградской битве в кратчайший срок повсеместно уничтожить русских немцев.

В лагерях стукачей из пленных красиво называли антифашистами и ставили в пример. Для заключённых только религия становилась неприступным бастионом. Верующие могли сохранить единство и духовную целостность. Религиозный человек сопротивлялся тюремщикам силой духа.

Так же могли сохранить внутреннюю целостность влюблённые, те, кто наслаждался семейной гармонией. Они верили, что дома их ждут! Эти люди, как Эрих, отковали броню из своей любви к своей женщине. Его религией была совесть. Любовь давала ему силы. Пока люблю – живу, пока живу – люблю. Любовь – она везде всеильна. Жизнь – не роман. Жить – значит бороться, бороться – значит жить.

Большинство людей умирает, так и не пожив. В плену – звания, возраст, образование, награды не имели никакого значения. В тюрьмах сидели предатели-генералы и великолепные солдаты! На чистых погонах – чистая совесть, а предательство ломает жизни и, прежде всего, свою. На дне жизни национальность не играет никакой роли. Люди бывают плохие и хорошие, злые и добрые, души большие и маленькие. Когда обстоятельства вынуждают, то даже рождённый летать начинает ползать.

Но Эрих, для немецких военнопленных, был человек-легенда. Он был самым сильным человеком, попавшим в русский плен. «Hartmann» в переводе с немецкого – «твёрдый человек».

Эрих сидел по соседству с дядей Сашей в Кировских болотах. Его, как возмутителя порядка, в одном лагере долго не держали, постоянно отправляли дальше. Он сидел в Череповце, в Новочеркасске, в Асбесте, в Свердловске. Эрих не покорился НКВД и не вылезал из карцера. В его поддержку однажды произошло восстание всего концлагеря, всех немецких военнопленных. Десять лет провёл он в совет-

ских лагерях. Зло летает на крыльях, добро ползёт, как черепаха. Его хотели сгноить в тюрьме, но Германское правительство и сам Аденауэр лично боролся за его освобождение и добился этого. Наконец-то Эрих – живой скелет – оказался во Фридланде. Ему хотели оказать пышную встречу, но он сказал:

– Когда все немцы из России вернутся на Родину, тогда и будем праздновать...

Потом Эрих переучивался в Америке и создал в Германии первую эскадрилью реактивных истребителей Германских ВВС. Он выучил много молодых пилотов. Но он не умел юлить, и его съели бюрократы. Выбросили в отставку. Он потерпел полный крах. Он прошёл и славу, и позор. Был на самом верху и побывал в самом низу, в самом аду, на дне жизни. Ад – это не только место под землёй – это состояние живой души.

Интересная книга, вот о последних годах его жизни там ничего нет. Может, вы знаете, где Эрих похоронен? – спросил я.

– Как не знать! Здесь недалеко, его могилка в Вайльшёйбухе, – ответил дед. – Давайте завтра я вам покажу.

– Я завтра не смогу, – сказала я – Мне надо ехать и довольно далеко, чтоб родичам помочь. Мне надо о них позаботиться.

– Заботиться – значит делиться. Как хорошо, что у вас сохранились ещё такие тесные родственные связи, – удивился дед. – У меня в этом городе сестра живёт, так мы уж девять лет не виделись. Переживаемся изредка. У всех достаток, достаток покрывает корочкой сердца. Здесь люди не нужны друг другу.

– Уже ощутил. У нас тоже этот процесс пошёл полным ходом, – согласился с ним я.

После работы, помывшись и попив кофе, мы поблагодарили деда за щедрую оценку нашего труда и поехали на указанное немецкое кладбище. Вдовы ходили меж могилки с лейками и поливали райские цветы. Город мёртвых выглядел ярко и ухоженно. Чёрный, белый, серый мрамор и гранит угрюмо хранил скорбное молчание. Суета сует, деньги и история теряли здесь свой смысл.

– Извините! Вы не знаете, где похоронен Эрих Хатрман? – спросил я, первую попавшуюся, женщину.

– Это лётчик? Вон туда! – махнула она пустой лейкой. – У него на могилке что-то от самолёта. На памятнике сидит орёл с птенцами.

Мы без труда нашли очень скромный памятник. На могильном камне сидел бронзовый орёл в окружении птенцов. Ниже написана фамилия и вся его нелёгкая судьба в коротком прочерке между датой рождения и датой смерти. Ниже – терпеливое тире его жены, которая ждала его всю жизнь. Война хотела разъединить их, но не смогла. Разлука, смерть, опасности и любовь лишь спаяли этих людей, как монолит, в одном могильном камне. На соседней могилке поливала цветы привлекательная вдова, с интересом наблюдавшая за нами.

– Извините! Вы были знакомы с Эрихом? – спросил я её.

– Да! Мы были соседями, теперь мой муж стал соседом и здесь, на кладбище.

– Я читал о нем книгу, но там нет ничего о последних днях его жизни. У него ведь была дочь?

– Да, она вышла замуж, продала дом и куда-то уехала. Эрих с женой жили очень дружно, но каждый человек имеет свой предел прочности. Победителей не судят, а побеждённых бьют, – сказала она. – Прошлое в порядке не бывает. Истина одного века – абсурд в другом. Это в России солдаты с гордостью носят свои награды. Они – герои, а у нас герои стали презренными преступниками. Каждый зелёный соплик тыкал ему в глаза его прошлым, да и десять лет советских лагерей не прошли даром, оттуда невозможно было выйти нормальным человеком. Его нервы совсем сдали. От него отвернулись, бросили в одиночестве и забыли. В последнее время супруги часто искали утешение на дне рюмки, и один за другим оказались здесь.

Жизнь проходит, как песок сквозь пальцы. Она мучает человека до тех пор, пока он не соглашается на смерть... Прошлое – чужая страна, там всё было по-другому, и это надо понять, хотя через три года после его смерти, русские сняли с него все свои обвинения, и он был реабилитирован. Показала она свою эрудицию.

– Я нашёл его, дядя Саша! Ему тоже сломали жизнь. Жизнь даётся человеку один раз, а удаётся – ещё реже, – пробормотал я и вспом-

нил русских ветеранов. Всех несчастных, безденежных старичков в России. Теперь мы знаем, что фашизм и коммунизм, мечтающие владеть миром, имеют одно окончание и один конец.

Ветераны

В древнем Риме отслуживших срок в армии солдат называли ветеранами. За заслуги перед государством и обществом они наделялись землёй, денежным вознаграждением и освобождались от всех повинностей. Мужество – первое богатство человека, но самое обидное для него – в итоге остаться забытым, преданным и обманутым.

Сегодня победители рады, если побеждённые окажут им материальную или гуманитарную помощь. Вилл у ветеранов нет, денег и здоровья тоже.

Всё перевернулось в мире и в моей судьбе. Теперь я знаю историю с двух сторон. Искусство быть мудрым, оказывается, состоит в умении знать, сострадать, прощать и, всё-таки, продолжать любить жизнь. Это хорошо, что бывшие солдаты стали побратимами. Они встречаются, делятся воспоминаниями друг с другом и не держат в сердце зла. Старички покаялись и научились отпускать грехи друг другу. Народы осуждают зачинщиков и их режим, столкнувший наци на фронтовой полосе, чтобы незнакомые люди убивали друг друга ни за что. Большое видно с большого расстояния.

Давно кончилась на земле война, а её эхо продолжает убивать несправедливостью бывших фронтовиков изнутри. У каждого – своя трагедия. Жизнь изуродована. Добро и зло ещё воюют в этом мире. На барахолках обеих стран продаются внуками, подешёвке, бесценные боевые награды. Омытые кровью ордена и медали. Человечество проваливается в нравственный хаос. Искажённое общество больше не знает ответа на вопрос, что такое – хорошо и что такое – плохо. Сегодня в силе плюрализм, где все по-своему правы, как лебедь, рак и щука, и виноватых вроде вовсе нет. Благими намерениями устлана дорога в ад.

Кто поломал их жизнь бредовыми идеями, обманул, обокрал,

обидел? Сегодня голубые экраны плоских телевизоров забыли всё, даже мораль. Они показывают голую правду бесстыжих людей в сытых голубых парадах. Богатые, не знающие в жизни страданий, брезгуют бедными стариками и не хотят знать прошлого. Глядя на это, вспоминают свою юность ветераны и мучаются несправедливостью, брошенностью, одиночеством. Обманутым прошлым, исторической пустотой. Человеческая жизнь что-то стоит? Почему их единственной, неповторимой жизнью распоряжаются другие? Разочарование, душевный кризис не даёт покоя, но надо жить, чтобы всё это пережить. Живым из жизни, всё равно, никому не выбраться. Берегите живых стариков-ветеранов.

Говорят, кто старое помянёт, тому глаз вон, а кто забудет – тому оба.

Надо покаяться друг перед другом, помириться, чтобы человек мог с миром уйти из этой жизни. Душа – это самое главное в человеке, она бессмертна.

Согрейте их любовью. Мало их. Тяжело им. Обидно! Всё было как было, историю вспять не повернуть. Затаив дыхание, помолчим с минутку. Никто не забыт и ничто не забыто.

P.S.:

На очередном семинаре Литературного общества «Немцы из России» я читал критикам и своим товарищам рассказ «Ветераны». Голос мой от волнения срывался, но все слушали внимательно.

Когда дело дошло до рассказа об армии, один из слушателей вдруг шумно встал и радостно воскликнул:

– Земеля! Дорогой! Так мы ж с тобой – однополчане! Я тоже служил в то время в этой части! Какой был у неё номер? – спросил он.

Я назвал номер части.

– Точно! – обрадовался он, – 76-й отдельный учебный полк радиосвязи Военно-воздушных сил, 72-й отдельной воздушной гвардейской армии. Там готовили чистых радистов, радистов-эстистов и ЗАСсовцев (специалистов для засекреченной аппаратуры связи). Кажется так?

– Так!

– А в какой роте ты был? – спросил он опять.

– В третьей, – ответил я, – командир роты у нас был майор Михальчук, а комбатом Мельников.

– Правильно! А я в четвёртой, рядышком. Выходит, курсантами мы с тобой один коридор в наряде драили, по одним ступенькам бегали и спали через стенку.

Вот так встреча! Мы обнялись, как братья. Мы – тоже ветераны. Встретились через 34 года, в Германии, хоть присягали России. Ну и жизнь получилась – кручёная. Мы радовались и восхищались, как дети, остальные с интересом наблюдали за нами. Вышло трогательно, как в телепередаче «От всей души» Мы были возбуждены и едва успокоились.

Я вдохновлённо дочитал рассказ до конца, никто не шелохнулся несколько минут. Значит, слова попали в сердце. Получилась очень выразительная, длинная минута молчания, посвящённая ветеранам.

– Хорошо написал! – отреагировала наш председатель. – Везёт тебе на встречи с интересными людьми. Такое невозможно придумать, кажется просто невероятным, какое-то зеркальное отражение двух разных судеб: и твоей с дедом, и тех двух лётчиков. Теперь ещё и однополчанин нашёлся. Интересно!

В перерыве к нам подошло прелестное создание из нового поколения, молодая, очень талантливая поэтесса и, краснея и волнуясь, сказала:

– Вы, наверно, сами чувствуете, этот рассказ о лётчиках – сильнейшая вещь. Я узнала столько нового, необычного, неизвестного. Спасибо Вам за эти чудные минуты, которые я сейчас пережила.

– Спасибо жизни, это она – автор, – ответил я, и мы встали плечом к плечу с моим однополчанином...

ЧЬЯ ДУША ВО МНЕ?

Чья во мне душа? Может, русская? Как страдает она вдали от Родины! От места, где я родился. Она, как русская гармошка, иногда развернётся широко, всех в пляс зазовёт, а иногда затоскует в пол-

ночь, меня наизнанку вывернёт, слезами зальёт. Скулит, наружу просится!

Там в России, где я родился немцем, все делается иначе. Там под венец идут в белом, но со слезами, хоть это Божье торжество радости. А на войну, на смерть идут с улыбками, с весёлыми песнями – хоть грустнее не бывает. Там мама учила меня ходить босиком по весенней земле. В той земле она осталась лежать вместе с моими предками.

Там жёны шли за мужьями в Сибирь и на войну, на смерть. Там горюют до гроба, а празднуют до утра. Там гуляют сёлами, просто так! Смеются до икоты, поют до хрипоты, танцуют до упаду.

«За бугром» моя память тоскует, она, как пахнувший берёзой банный лист, прилипла и не отпускает прошлое. В нас русский дух, мы Русью пахнем!

Иногда во рту ясно ощущаю холодную колодезную воду, ломящую зубы. В руках чувствую сырые дрова, пахнущие смолой. На столе вижу квашеную капусту в помятой алюминиевой миске, за столом – молодых друзей. Все знают друг о друге всё! Ошибёшься – поправят. По-свойски, как братья. В беде защитят. Встанут грудью. В праздники мимо не пройдут, но и без тебя за стол не сядут. Дождутся! Уважат! Там любят тебя – личность, а не за то, что у тебя что-то есть.

Там верующие носят медные крестики на ниточке, неверующие – золотые кресты на толстых цепях. Там малиновый колокольный звон гудит в багровом закате. Там купола церковей горят золотом. Там все право-славные! Там девицы – красные, а молодцы – добрые.

Там вечеринки проходят с частушками и топотушками. Там русская зима, и снежинки тают на ресницах любимых. Там страстное дыхание вдвоём, и жаркие поцелуи на морозе, под её окном. Там, в прошлом, остался невыключенным свет, падающий из ее незашторенного окна на свежий, белый снег.

Свет освещает следы только что убежавшей в рассвет любимой. И ты остался в этой огромной вселенной без неё! Один... Один на всём белом свете! На этом трескучем, утреннем морозе! Эти следы отпечатались в душе навечно и не дают спать до рассвета. И никто не

знает, где находится тот выключатель, чтобы погасить, хотя бы под утро, в моём окне этот свет, отключить зелёную тоску по прошлому.

Откуда эти страдания? А может, я уйду в будущее? В вечность? Может, рождается она во мне ещё раз? Свыше?

Чья же во мне душа? Может, русская?

А может, всё-таки Божья?